

**ГРАЖДАН
ВАЛЕРИЙ АРКАДЬЕВИЧ**

*Спасибо за бескорыстную помощь
в издании книги истинно русским меценатам
Демиду Устинову и Константину Долинину.
Благодарю за искреннюю флотскую поддержку
Морское братство ветеранов-подводников ВМФ!*

ПРОЗА ВАЛЕРИЯ ГРАЖДДАНА

О прозе можно сказать и так: есть проза, в которой герои воображённые, даже когда они исторические личности, но давние в давних исторических обстоятельствах, а есть проза, в которой герои нынешние, реальные, в реальных обстоятельствах. Если проза хорошая, те и другие герои - живые. Настолько живые, что воображённые вступают в контакт с вообразившим их автором, классический пример: Татьяна Ларина. «В монастырь!» - повелел Александр Сергеевич своей любимице. Однако она, несмотря на кажущуюся кротость, воспротивилась и вышла замуж. Казалось бы, с реально живыми героями проще. Ан нет! Их самих, со всеми их поступками, бедами, радостями и чаяниями, насморками и родинками надо, пропуская через фильтрацию и компоновку, загонять в рамки жанра. И чтобы читатель об этом насилии не догадывался; ни, боже мой! Только таким образом проза, условно названная нами «почти документальной», может сравниться с прозой условно «воображённой» условно потому, что и эта, вторая - от жизни.

Зачем такая длинная преамбула? А затем, что небольшая повесть В. Граждана «Пасть Югры» - это как раз образец той почти документальной прозы, которая не уступает воображённой.

Повесть - остросюжетная, в первоначальном смысле этого определения, напрочь заляпанного сегодня бездарными пифпафующими сериалами, с живыми и, что замечательно, особенными героями, нашими современниками, с волками, стужей, зеками и вертухаями, с атмосферой Заполярья, с так называемой прямой речью, великолепно современной, конечно же, со вкусом отфильтрованной.

А рассказы Валерия Граждана, в прошлом подводника, они о тех, реально живущих служивших на атомных субмаринах, где героизм - быт, а юмор - та дополнительная составляющая быта, без которой - амба!

Юмористический рассказ «Тобсон», например, где юмор, выражаясь по-спортивному, на грани фола, на наш взгляд-шедевр!!!

Автор этой краткой рецензии убеждён, что издание прозы Валерия Граждана весьма и весьма желательно, ибо эта проза, по сути, попытка стереть модные плевочки с понятия «патриотизм», попытка помочь россиянам полнее осознать себя здоровой, героической и весёлой нацией.

Виталий Масюков

МОЙ ОТЗЫВ НА ПРОЗУ ГРАЖДАН ВАЛЕРИЯ

Мы не видимся несколько лет. Давно, когда работали в одной редакции и встречались каждый день, от Валерия Граждана не было покоя. Никому. То интересная тема у него, то начнёт рассказывать что-нибудь из «морской жизни».

Сейчас он часто звонит, и, смеясь, неизменно произносит: «Здравия желаю!». Поводом для звонка может быть что угодно - события в Ульяновске, прочитанная статья, какая-нибудь очередная его идея. Неугомонному Гражданину трудно сидеть без дела. О том, что он что-то пишет, Валера говорил давно. А недавно прислал по электронной почте это самое «что-то»...

Честно: к присланному Валерием я, отнёся с некоторым убеждением. Что он мог написать ТАКОГО? Ведь всё давно описано и зарифмовано. Но, поскольку обещал ему, что прочту обязательно, скопировал тексты в карманный компьютер...

Мы стали меньше читать. И читаем, в основном, известных авторов, книги которых выпускаются большими тиражами и крупными издательствами. Авторы, живущих рядом, большинство не воспринимает всерьёз... После первых строчек Граждана это предубеждение ИСЧЕЗЛО.

Валерий, как и я, жил в СССР, но немного в другой, только ему знакомой стране. Его проза - не ностальгия, это более глубокое понимание происходящего. И у меня внутри не только проснулась гордость за «тогда», но и обострилась боль за «сегодня».

И ещё я вспомнил, как важно не потерять тонкую, духовную связь между людьми. Как важно вовремя заметить: что-то внутри нас засорилось, почему-то стало меньше открытий и радостей, крепче сжимает круг одиночества. Спасибо, Валерий, вовремя напомнил.

Обязательно прочтите Граждана, беспокойного, отзывчивого, доброго и весёлого человека! Здравия желаю, Валера!

Геннадий Антонцев.

«ВСЁ БЫЛО ТАК»

Как утверждают современники, первый фонтан был пущен мной в 1944 году прямо в лицо хорошенькой учительнице. Она опрометчиво сделала мне «гули-гули», наклонившись над ложе новорожденного. Смотрины тем и завершились.

В войну с мужиками в Приполярной Югре было скудно и некоторое время удавалось быть в авторитете. Но вскоре не без помощи своей мамыши я подался на Юг... Западной Сибири. Там и попрдержался у бабушки на молоке и баранине без хлеба, но с картошкой и деревенскими частушками. Всё указанное производилось и содержалось без посторонней помощи. Бабушка была добрая, но глухая и безграмотная. В отличии от меня она верила в бога, совершенно игнорируя любые формы гностицизма. Грамоте, танцам в луже и мату меня выучили пришедшие с войны фронтовики. За хорошую дикцию поощряли звёздочкой от пилотки, а то и настоящими погонами.

Годам к пяти философские начала от фронтовых гуру мне пресытили и я записался в библиотеку при клубе. Это тут же отразилось на удалении помёта кур и вывозе навоза на огород зимой. А летом частенько бабушка без особого успеха искала меня с хворостиной. После «напоминания» я искал пришедшую с пастбища, но разбредшуюся невесть где скотину. Нарастал скандал. И книжки пришлось прятать.

- Валерка, ить порублю я эту нехристь! Отышшу и порубаю! Ну никакого сладу нету! Читат и читат... - скорее для самой себя сетовала моя благодетельница.

Сказки Пушкина, русские народные и братьев Grimm, сказки Востока и прочие сказы Бажова вскоре отошли на задний план. А я отпросился в школу. Бабушка отговаривать не стала, заведомо чувствуя, что по её не будет. Так что читал я уже легально, но у печки с лучиной. Уроки иногда делал при лампе, когда моя визави пряла пряжу «шторы карасир зря не жечь».

Учеба в нашей деревне, да и не только в нашей, - была многопрофильной. Вначале с первого по пятый классы, а годом позже - со второго по шестой и так попеременно все шесть лет. Процесс шел в двух хатах - мазанках рядом с клубом. Первый, третий и пятый классы - это в первый год (для первоклашек и иже с ними) и они же на следующий год становились чётными, то есть вторыми, четвёртыми и шестыми. Деревенские ограничивались чаще пятилеткой. Шли в школу с 9-12 лет. Сидели по классам в три ряда: по классу в каждом. Уроки делали разве что с первого класса и едва до четвёртого. Дядя Петя, безногий герой-лётчик «вёл» пение со своим баяном и обязательной чекушкой в кармане. Пели в основном мы с Мишкой Подольниковым по вольному репертуару на военные темы. Любимой у дяди Пети была песня: «Подвесивши бомбы, в кабину он сел... улетел чужие громить самолёты». Тут он плакал и пил самогонку из плоской трофейной фляжки. Немецкий, рисование и труд преподавал бывший пленный немец-баварец Шлея с академическим образованием. Этот учил не в пример даже нынешним педагогам. Случалось, что кое-кому из девчат в шестом классе справляли свадьбу. Сам гулял на такой. Не понравилось: незнакомые взрослые целуются, курят самосад и орут. И мы шли на горку кататься.

А когда в библиотеке из непрочитанных книг остались бухучёт и труды Сталина, то тётя Зина сказала: «Валерик, дуй-ка в город, там я слышала твоя тётка Анна живёт с мужем. Да и Татьяна где-то там. Видно твоих родителей не сыскать! А тебе учиться надо!».

Запала мне эта мысль в голову. И, однажды зимой, разругавшись вдрызг с бабушкой, опять же на конфессионной ниве, я ушёл на лыжах в райцентр к дядьке Николаю. А с его подачи на санях и в тулупе уже был доставлен к тётке Нюре (она же Анна). Та работала учительницей, муж преподавал прикладную физику и попутно поколачивал беременную в третий раз женушку. Наверное, на почве антагонизма предметов или кому утром одевать тапочки. Но уже через

неделю я твёрдо уверовал в необходимость изучать испанский язык и переехал к Татьяне Петровне, где в соседской школе его преподавали. Та работала судьёй и к семье была лояльна.

Мне перешли портки её мужа дяди Димы и сводили в баню. А к лету успешно приняли в комсомол и купили сатиновые шаровары. А заодно юридически подкованная тётка намекнула, что я вполне уже могу трудиться по четыре часа в день. К осени моя милость стала столяром-краснодеревщиком на участке глухонемых Омского мебельного комбината. Как тут не помянуть добрым словом Шлея - «тьфуй»: это он научил тех, кто хотел, ладить табуреты и ложки-самоделки. Он беспрестанно кашлял и смешно негодовал: «Тьфуй!». И любовь к рисованию, к природе, к красоте труда - тоже он привил, наш незабвенный бывший пленный «немец-перец-колбаса».

А глухонемые были как никто доки в столярном деле. Так что к окончанию вечерней школы начальник участка Козлов прочил мне карьеру инженера деревообработчика и давал путёвку в институт за счёт фабрики. Увы, но меня к этому времени уже упорно тянуло в космос. А проще-в авиационный институт на факультет №2. Там преподавали ракетные двигатели, а это вам уже не Жюль Верн!

Ох, уж эти книги! Всё было интересно, жизнь казалась бесконечной. Да и отказаться от космоса во имя физики твёрдого тела, либо морских путешествий казалось делом малоперспективным. Ещё моя незабвенная бабушка говаривала: «Планы-то наполеоновы, токмо своды Ваньки-печника!». Так что после третьего курса вечернего загудел я на четыре года с гаком на атомную субмарину. «Гак» добавился из-за неугомонного характера матроса по званию, но спеца 1 класса по дозиметрии, кем удалось стать за эти годы. Сюда же вошла кругосветка Николаев-Камчатка вокруг Африки на плавбазе для тех же субмарин.

Демобилизовавшись, я почувствовал некий зов природы к продлению рода, скорее всего - бабушкиного.

Других примеров не удалось разыскать, сколько не пытался. Как ныне говаривают, - «по жизни». Так что к окончанию уже политеха в моей семье был трёхлетний наследник. Завершить по-нормальному аспирантуру не дала Родина в лице Министра обороны. Так что банкет по случаю обмывки учёной степени пришлось перенести в Тихий океан.

Получалось, что ничего из замышленного толком и в срок не получалось. А уже на очередном витке поиска жизненного кредо, стало доподлинно ясно: я, оказывается уже давно в центре жизненного водоворота. И на зов Камчатки ответил взаимностью. Завлекло, увлекло и стало приносить удовлетворение! Да так, что последующие четверть века было отдано этой земле. Без малейшего сожаления, между прочим. Сюда же приобщились борьба за живучесть и автоматика с телеметрией, да прочие системам боевых кораблей. В большей части - субмарин. А научные изыски завершились рождением дочки и идеей посвятить доставшиеся от Бога годы журналистике. А в итоге задумался: неужто всё свершившееся мало соответствует тем, детским и юношеским замыслам? И на поверку получалось, что жизнь сама указывает рациональный путь. Если не больше. Хотя, куда уж больше!

Валерий Граждан.
Югра-Камчатка-Симбирск 2009 год.

О ПОДВОДНИКАХ ВКРАТЦЕ КОМАНДИРА И ЭКИПАЖ ПОМНИМ

Нет смысла напрягать зрение в поисках людей в морской форме да ещё в нашем городе!. Их, если где и увидишь, так это возле Арсенала ВМФ, что в уютном уголке Заволжья. И всё-таки: около двух тысяч моряков-подводников, если не больше, обосновались в далеко не морском городе Ульяновске. Мало того, есть среди них те, чьи судьбы чудным образом пересеклись именно здесь. Одного из них стали именовать «Подводник №1» - это мой командир лодки-атомохода первого поколения с бортовым номером К-45. Так вот, о нём и изначальная речь. Как водится, мы непременно тешим свой слух кучей поговорок, кои верны как дважды два. «Какие сами, такие и сани», а то и про рыбу, что гниёт с головы... Так вот на лодке вам и «сани» и «голову» безошибочно определяют: «С этими парнями можно пойти в море!». И прежде всего, это относится к командиру экипажа, тогда ещё капитану 1 ранга И.И. Вереникину.

Не в пример Ульяновску-Симбирску, празднование Дня ВМФ в городах Сибири и Дальнего Востока происходит с исключительной помпой. Тому две причины: почти каждый второй дееспособный к службе парень служил именно на флоте, плюс то, что уважение к морякам блюдут как они сами, так и все живущие в городе. Наши же, ульяновские ветераны, а особенно подводники, праздновали как и обычно, День Подводника в недорогом ресторане, но с размахом. Здесь было всё: столы ломились, речи произносились, песни не умолкали...

«Худенький» мичман с центнер весом вышел прочесть свои стихи о подводной лодке. Его «статья» была обычной для подводника: «Всё, что выше ремня - грудь!». Во главе П-образного стола сидел седой адмирал с русской окладистой бородой. И, когда чтец произнёс последнюю фразу:

*- Растаял медленно, как колокола звон,
Свой грозный путь чертя вдали...*

Седобородый офицер-подводник привстал, похлопал сообщая чтецу в ладоши и позвал его:

- И что же это у тебя, сынок, повыше ремня будет?

- Как обычно, товарищ адмирал: дыхательный аппарат ИДА-59! - ответил 60-летний «сынок».

Признали-таки друг друга через 40 лет командир атомной лодки и его матрос! Обнялись, выпили по чарке за встречу и уже не расставались вплоть до печальной кончины отца-командира. А в школе, где неподалёку жил именитый подводник и был там завсегдаем, образовали музей контрадмирала Вереникина. Да и самой школе присвоили его имя. С тех пор сюда зачастили как бывшие, так и настоящие моряки-подводники. Хотя, как принято считать, «бывших» среди подводников не бывает. Зато будущих подводников теперь в школе не счесть!

ДЛЯ НАС КАМЧАТКА-ВСЕМУ НАЧАЛО

Однажды, придя из очередного дальнего похода, наш кэп (так мы для краткости звали промеж себя командира) получил приказ откомандировать в Николаев лучших своих спецов от боевых частей на какой-то суперновый корабль. Такой приказ получили и на других лодках и кораблях, откуда затребовали грамотных моряков на приемку нового корабля. Для обеспечения дивизии АПЛ (атомных субмарин) достраивали где-то небывалую, современнейшую и, конечно же, - секретную плавбазу. Поход предстоял кругосветный. Трое из нашей команды удостоились чести на участие. Всего с 45-ой Камчатской дивизии АПЛ препроводили до сотни подводников. А коли корабль всё-таки надводный, то почти столько же подыскивали опытных, обморяченных знатоков по надводным кораблям. Далее наша служба покатила в предвкушении романтики (как нам тогда казалось) в чистом виде. Санька Вахнин из Воткинска, Валера Зайцев из Новосибирска и я из Омска, - отныне старались часик-другой «распрячь швабру» о предстоящей (ой ли!)

кругосветке. В учебке мы были в одной роте, вместе определились на Камчатку, а теперь вот сподобилось и на один корабль попасть.

К концу июля меня вызвал командир и эдак лаконично осведомился: «Как идут дела с новым мастером дозapparатуры, что прислали нам из учебного отряда? На самоуправление сдаст скоро ли? И давайте-ка к начальнику СРБ поднатаскаться на тренажёре. Да по датчикам в турбинном пусть ползает. Сам-то не разучился? А то ведь может и автономка подгадать. Аккурат до весны. А?! Могу ведь тебя взять. Первый класс, как-никак. А молодого отправим в кругосветку...».

Корабль же предстояло спустить на воду именно по весне. Уж лучше поднажать, да сделать из моего подопечного Васи знатного специалиста! А наш особист время от времени осведомлял нас о ходе дел на Николаевском судостроительном, куда предстояло ехать кандидатам. Спустили, мол, на воду и присвоят имя Героя Советского Союза, подводника, капитана 3 ранга Ивана Кучеренко.

Рвения к передаче знаний и опыта Васе добавилось вдвое. Не так уж и много времени впереди! А ко всему ой как не хотелось подводить отца-командира Игоря Ивановича. Ведь дороже отца он всем нам стал за время службы. Тем более у нас, рождённых в войну отцов по большей части не было. А флот, тем более подводный, роднит людей более, чем кровно.

Не забыть празднования Дня Флота в сибирском Омске, городе, исключительно далёком от всех морей и океанов. Разве что Северный Ледовитый океан поближе других. Но изо всей России отдают предпочтение и десятилетиями призывают на флот именно из Сибири: от Урала до Амура. Крепкие здесь ребята растут, закалённые.

Так вот на День Флота здесь испокон веков собираются моряки всех поколений у вечного огня. Именно всех: кто в состоянии как-то передвигаться. Будь то костыли, либо инвалидная коляска. С собой непременно «сухой паёк и

боезапас» с лихвой. Собравшись, строятся «ходячие» ветераны всех войн и времён, от Гражданской и Отечественной войн и вплоть до тех, кто приехал на побывку в 10 суток.

Здесь же, на площади Ленина как в сказке возникают чёткие каре по флотам из тех, кто может ходить. Впереди духовой оркестр из моряков же. У каждого флота-знаменосец с КОРАБЕЛЬНЫМ военно-морским флагом. Затем весь этот многотысячный нескончаемый строй идёт почти через весь старый город до парка им. Богдана Хмельницкого. Причём, идут непременно строевым шагом под музыку, не жалея ботинок: ФЛОТ ИДЁТ!!!

И весь Омск от мала до велика высыпает на улицы, свешиваются с балконов и подоконников, а то и вовсе наблюдают с крыш домов за этим восхитительным действием! Это ни в коей мере нельзя назвать парадом или смотром. Это куда больше: моряки вкладывают ДУШУ, восторженно оглашая город исключительно морскими песнями. И, конечно же, - это песня о героическом Варяге! И печатают шаг так, что слышно даже на окраинах огромного старинного города.

По приходе в парк у ворот выделяется сменная вахта. Флота размещаются под берёзами на лужайках: Тихоокеанский, Северный, Черноморский, Балтийский и Каспийская флотилия. Дальше деление идёт по экипажам кораблей, лодок. Все СВОИ!!! От матроса-тихоокеанца, ещё вчера одевшего бескозырку до седого адмирала Северного флота или от юнги-севастопольца до изуродованного осколками комендора-балтийца. Их разговорам нет конца. Кто не знаком, обмениваются адресами, телефонами. И не было случая, чтобы морское братство не пришло на помощь флотскому, кем бы он ни был и где бы он не находился. А для нас, тихоокеанцев, Камчатка стала на всю жизнь началом начал.

НА БЕРЕГУ, КАК В МОРЕ

Завихрения судеб людских невероятные до неправдоподобия. Здесь, в исключительно волжском и когда-то неприметном городе чудным образом переплелись жизненные пути морских поколений. Начиная чуть ли не с времён Петра I и эпохи становления советского флота до уже нынешних, атомных и авианосных кораблей.

И эпицентром среди подводников Ульяновска, связующим десятилетия человеком, подводником в чистом виде стал теперь уже навеки земляк ульяновцев-симбирцев контрадмирал Вереникин.

Не будь судьба так несправедлива к теперь, уже ушедшему в мир иной, контрадмиралу И.И. Вереникину, быть ему как минимум командующим Тихоокеанским флотом, а то и всем Российским!

И сие было бы справедливо. Не бахвальства ради утверждаю, причём, его сослуживцы-тоже. Во многом не только нынешние моряки не согласны с действиями многих, если не большинства флотских военачальников. Именно так: «военачальников», но не флотоводцев, коими с гордостью называли адмиралов Нахимова, Макарова, Кузнецова и им подобных.

Но стоит поинтересоваться лишь судьбой трёх названных мной адмиралов, как станет предельно ясно: не любят у нас сановные чиновники умных и самостоятельных подчинённых. Ой, как не любят! Зачастую лютой ненавистью! Почитая самостоятельность-дерзостью, а ум-высочайшей непристойностью. Прижизненные тернии выдающихся личностей вряд ли поддаются обыденной логике: пока здравствуют - бьют нещадно, ненавидят, стоит почить в бозе, как возвеличивают, оголяя собственное бесстыдство и цинизм.

Как нигде в других сообществах людей нет столько неприкрытой несуразицы, как среди военных. Возьмём те же уставы: «Приказы не обсуждаются, а выполняются».

Вряд ли кто будет спорить, что обратный порядок хода приказов в военное время будет неуместен. Но и необдуманные действия самодуров могут стоить сотен, а то и тысяч жизней. «Если не находится виновных в происшествии, то их назначают!».

А коли свершил подвиг в ратном деле, то это вовсе не значит, что тебя ждёт заслуженная награда. Такое в службе Игоря Ивановича бывало больше и чаще, нежели справедливого. Один из подчинённых контрадмирала А. Островский вспоминает: *«И.И. Вереникин со своим экипажем принял участие в весьма ответственных и важных в государственном плане ракетных стрельбах. Скажем прямо: от их результата зависела международная обстановка. Экипаж отстрелялся «на отлично». И даже сам командир эскадры контрадмирал Криворучко восхитился, сказав командиру лодки, что его ждёт минимум-орден. «Хорошо, если медаль дадут!» - пророчески ответил Вереникин, хорошо зная нелюбовь к нему чинуш. Так оно и было: представленных к наградам в связи со стрельбами наградили с лихвой. Самому командиру субмарины не вручили НИЧЕГО!».*

И так случалось не единожды. Зато за проступки других капитан 1 ранга Вереникин ещё долго не пришивал адмиральские погоны, хотя представлялся по заслугам и не раз. Но получить следующее звание вице-адмирала и выше бюрократы так и не позволили. Поговаривали в верхах: «Слишком неугомонен, да не в меру образован и грамотен. Ко всему с подчинёнными либерален!».

И это чистая правда. Даже командуя дивизией атомных субмарин, он не стеснялся на День флота собирать у себя дома подчинённых ему офицеров и выпивал с ними во здравие флота русского! Их принимала русская красавица Валентина Васильевна, верная жена и подруга жизни. Она прошла с мужем всё: бесконечные ожидания из автономок и боевой службы. Каждый раз даже сам Нептун, бог морей не мог предсказать благополучное возвращение в базу лодки.

Вы только представьте себе несущийся на глубине около 100 метров корабль-болид под 5 тысяч тонн водоизмещением со скоростью более 20 узлов (около 40 км/час). Я уж не говорю о возможности прямого подводного столкновения: в океане нет регулировщиков. А ко всему все береговые сумятицы и переезды лежали только на её плечах. 200, а то и более суток в году её муж был в океане.

БОГАТ РУССКИЙ ЯЗЫК

В отличие от надводных кораблей лодочная команда по приходе в базу сходит на берег, где для них уготованы казармы. Их по обычаю называют «кубриками», офицеры же свои комнаты-каютами. Но весь уклад остаётся прежним - лодочным. Разве что вахты «четыре через четыре» - нету. Но не всё вписывается без шероховатостей в «штатскую» жизнь на берегу, особенно речь...

А основой общения подводников на борту-их речь. Она должна быть предельно понятной и «выразительной». Иначе, сквозь вой турбин или шум дизелей чёрта лысого чего поймёшь. И чем экстремальней служба, тем больше применим в ней несловарный лексикон, а проще-мат во всех мыслимых и не очень ипостасях.

К примеру, говорит начальник подчинённому: «Если хочешь со мной разговаривать, то стой и молчи!». Далее идёт прямая речь из хитросплетений начальственного монолога: «Ты мне бл...не пучь глаза, как обоссанный налим на сковородке!». Штурману: «От вида твоих сексуальных выдвижных устройств бакланы с испуга дрищут!». А переговорное устройство «Каштан» коробит так, что видно изнанку: «Центральный, твою в душу! В шестом из контура...капает. Это тебе что, - не х...на бл..! Боцман, твоя хитрость висит на 15 сантиметров из-под альпака!».

Бывали случаи из ряда вон выходящие. Это когда непотребный говор априори неуместен. Судите сами: вам, закоренелому фанату матерка, поручили зачитать праздничный приказ Министра обороны СССР (как это

принято в бытность службы Игоря Ивановича на нашей лодке). Приоритет в оглашении таких приказов принадлежал исключительно командирам субмарин. Засорённость их речи «эдакими словечками» в процентном отношении была предельно недопустимой и учёту не поддавалась. Плюс к общепринятым извращениям лексики каждый командир имел ещё и эксклюзивные слова-паразиты. Например: «Грёбанный в ухо», «Понтъ б.. ясно», «Не в лом вам х...» и тому подобное.

В 60-е годы на Камчатке женского персонала было не просто мало, а очень мало. И, тем не менее офицеры, а морские в особенности, в присутствии дам с трудом, но обходились хотя и скудным, но всё-таки, словарным запасом. На зависть даже заслуженным артистам они изощрялись в применении спасительных пауз.

Перед праздничным построением всех экипажей мы интересовались, кто из командиров будет зачитывать приказ. А узнав, предвкушали: «Да-а, это же «грёбанный в ухо!»». Место построения оформлялось красочно, по-праздничному. На возвышении водружалась трибуна с огромными киношными репродукторами. И вот, наступает кульминация момента: читка приказа капитаном 1 ранга Ивановым (изменено). Сразу оговоримся, что ничегошеньки из произносимого оратором, им САМИМ не слышится напрочь: рёв динамиков перекрывает все мыслимые децибелы.

- Товарищи матросы и старшины!!! Грёбанный в ухо!..., - эхо отражается от сопочки напротив и хлётко разлетается над гладью бухты: «Шины, ыны...банный в ухо...ухо...!».

- Поздравляю вас с великим праздником Октября!!! Гребанный в ухо! Бря...бря...бануха..., - беспрепятственно летело по водной глади до жилого поселка Приморский на берегу справа от нашего плаца. Так что жители его, где случались и женщины безошибочно заключали: «Слышь-ка! Нынче Иванов читает. Ну, умора!».

Случалось и капитану 1 ранга Вереникину оглашать приказы с высокой трибуны. Но его «включения» в официоз были настолько виртуозными и почти неприметными, что суммарный «текст» являл собой некий шедевр.

И при его выступлениях на плацу стояла гробовая тишина, время от времени прерываемая громовым матросским хохотом. Позже его выражения становились крылатыми. Но воспроизвести сегодня его слоганы вряд ли возможно в точности. А в изложении кого-либо будет так же несуразно, как если бы мне спеть вместо Карузо. Так что и стараться нет смысла. Но любили Игоря Ивановича, пожалуй, более, чем своих родителей. Ко всему вряд ли кто толком мог сформулировать, объяснить эту любовь. Скорее это было то самое безграничное уважение к бескорыстным гениям, полубогам.

Если и можно сравнить с кем моего командира, так это с артистом Кузнецовым в фильме «Максимка»: то же обаяние и простота при исключительно русской внешности и небесно голубыми глазами. Но когда нужно было отчитать подчинённого за провинность, то Вереникин старался препоручить эту экзекуцию своему старшему капитану 2 ранга Хайтарову. Кстати, мастеру спорта по боксу. И бокс он пропагандировал ежедневно и с умением превеликим. В самой команде чаще поощряли, нежели наказывали. Так что сами понимаете, что эту миссию с поощрением не без удовольствия вершил командир лично.

А почти враждовали мы, подводники, чаще всего со штабными офицерами и их же сверхсрочниками. Случалось даже, хотя и весьма редко, на уровне ЧП недомолвки с особистами. Надо сказать, что мы их не выискивали, да и не знали вовсе, пока кого из них невзначай подчивали втихаря матом. Поводом служило наше внешнее ухарство как в отдании чести, так и в форме одежды. Даже служившие второй год подводники ушивали себе как робу, так и парадку. А шинели укорачивали так, что из-под полы виднелись карманы. Штабникам и прочим «штатским» (штабным) честь если и отдавали, то не ниже капитана 3 ранга и исключительно небрежно. Вроде и придраться трудно (честь-то отдана!), но вроде как нехотя и более походило на отмашку: «А пошёл бы ты..!».

Чаще других почему-то по этой части влетал я. Скорее всего именно поэтому через год я имел второй разряд по боксу. Тренировал-то старпом! Так что вместо «на ковёр» ходили на ринг. Шеф тренировал по-честному: одной левой. Но попадал часто и больно. Морали были не в ходу. Зато команда держала прочно первое место по боксу на Камчатской флотилии.

Хотя гауптвахта, а проще-«губа» не пустовала опять же благодаря мне и подобным «острякам- самоучкам». Но отсиживать срок полностью не приходилось: у меня был 1 класс мастера дозapparатуры, а спецов на «утюгах» (так звали наши проекты лодок) не доставало. С «губы» отпускали запросто: оброк в 5 литров спирта брали за каждого «губаря» сразу же. Даже по прошествии более 30 лет Игорь Иванович признал меня раньше, нежели я его: «Я на тебя, мил человек, извёл море спирта. Как же не упомянуть такое!».

Но всё, здесь приведённое-чистой воды обиход. Случается, что мат приводит в чувство растерявшегося перед внезапностью. А удар в ухо выводит из оцепенения даже перед смертельной ситуацией. Не до сантиментов тут! Всё решают секунды. А ситуации в современном флоте зачастую ставят на кон ядерную войну фактически. Вот тут и проявляются все чувства и качества. Таких прецедентов адмирал повидал немало и принимал решения едва не мгновенно.

Вот лишь коротенькая запись в журнал одного из командиров АПЛ, коими командовал командир дивизии контр-адмирал Вереникин: *«9 мая 1972 года (разгар войны во Вьетнаме, противостояния флотов США и СССР). Перевели ТОФ на повышенную БОЕВУЮ готовность. Приказываю ввести ГЭУ (реакторы) обеих бортов. Идёте в составе... Кораблей в Южно-Китайское море поддерживать братский Вьетнам. Задачу выполнять совместно с ПЛА К-45 и К-57 командир ДиПЛ 26 контр-адмирал Вереникин».*

Вот так. Предельно коротко и ясно: мир на волоске. А в стране играли свадьбы, рожали детей, играли в хоккей и варили сталь. А наши подводники просто берегли и берегут мир. Под водой не видно: кто и откуда пустил торпеду, либо ракету с ядерным боезарядом. И не дай бог - случайно... До чего же хрупкий мир! И какими должны быть люди, берегущие его!

ГОРЯЧИЙ ПОХОД В ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ

ОДНА ВОЙНА ПОЗАДИ. ЗДРАВСТВУЙ, НЕПТУН! Глава 1. ПОКИНУТЬ СЕВАСТОПОЛЬ ЗАВТРА

До выхода отстроенной в Николаеве плавбазы для атомных подводных лодок «Иван Кучеренко» в кругосветку оставались считанные сутки. Корабль заждались на Камчатке в базе атомных подводных лодок, где и набирали перегонную команду. Обстановка в Мировом океане ухудшалась едва не с каждым часом.

Дату начала похода толком, никто из матросов не знал. А вечером 1 Мая все вождельно смотрели в ночное небо Севастополя: там гремел, хлопал, шипел и рассыпался всеми возможными и совершенно необычными цветами праздничный салют. И нам предстояло уже, где-то, после салюта Дню Победы, а то и раньше, после 1 мая, отойти от Троицкой стенки Северной бухты города-героя Севастополя. Позади ходовые испытания и стрельбы.

Мне удалось-таки узреть самую интересную картину: поражения щитов-мишеней, которые тащили едва видимые на горизонте буксиры. Огненные трассы трассирующих снарядов накладывались буквально одна на другую. Снаряды шли вдогонку друг другу. Для нас, подводников, составлявших более половины команды, такое было в диковинку.

И теперь почти весь апрель, практически круглосуточно, работали в авральном режиме: загружали топливо, воду, провиант, снаряды и несметное количество ещё чего-то в ящиках, мешках, бочках... По верхней палубе то и дело слышалось: «Принять баржу с левого борта», «Принять водолей с правого борта», «Дежурному подразделению срочно прибыть на стенку! Принять груз автопоезда!». «Вира, мать твою! Спишь, салага!». И так изо дня в день.

7 мая прибыли на борт курсанты. Считаю, те же студенты, что и мы, только очники. Дело в том, что почти все, кто

пришёл из экипажей лодок, были призваны со студенческих скамеек вечерних ВУЗов и дневников, не имевших военных кафедр. И было обидно смотреть, как курсанты строятся для турпохода в Севастополь. А мы, команда корабля уже валилась с ног от усталости. Нет, чтобы в меру сил оказать помощь в погрузке тех же продуктов: кушать-то вместе будем! Ан, нет. Но и их понять можно: впереди у будущих офицеров десятки, а то и сотни выходов и походов. А потом они - наши гости. Вы же не посылаете пришедших к вам гостей на базар за картошкой! В многочисленных коридорах и на верхней палубе стало как в муравейнике.

Урывками слушали радио. А, судя по всему, в мире назревала ещё одна, кроме вьетнамской, война. В Тонкинском же заливе Вьетнама она уже шла несколько лет и конца ей не было видно. Нас в преддверии кругосветки всё это настораживало: будет ли сопровождение боевыми кораблями в походе?

Теперь же, 17 апреля из заявления израильского Премьера Л. Эшкола стало ясным, что войны в Средиземном море не избежать. Далее последовало ответное выступление 24 апреля нашего Генсека Л.И. Брежнева на конференции КПСС в Карловых Варах, где была высказана озабоченность в связи с непомерным вводом в Средиземное море американских кораблей.

В ответ на надвигающуюся угрозу советский ВМФ незамедлительно предстал в этой же акватории боевыми кораблями Балтийского и Черноморского флота. Египет, как выяснилось позже, имея явный перевес по отношению к израильтянам, не смог даже в малой степени показать эффективность своего флота. Одно дело бедуины в пустыне на верблюдах, совершенно иное - на кораблях в море.

3 мая в Средиземное море зашли дополнительно боевые корабли Балтфлота и атомная ракетная субмарина 675 проекта с восьмью ракетами на борту. В противовес уж только США ввели к берегам Израиля два авианосца «Америка» и «Саратога» с десятком кораблей сопровождения каждый, на

подходе был АУГ (авиаударная группа) с авианосцем «Энтерпрайз». Туда же поспешили и союзники Америки по НАТО: крейсера, подлодки, десантные корабли с морской пехотой. Назрел безусловный «карус белли» - повод к войне.

И вот через всю эту армаду нам следовало пройти, имея на вооружении четыре пушки-автомата с системой наведения «Барс» и пару пусковых ракетных установок типа «Стрела». Понятно, что от подводных лодок нас по замыслу проектантов, лодки же и должны охранять. То есть наш корабль, имеющий водоизмещение свыше десяти тысяч тонн и современнейшее ремонтно-восстановительное для АПЛ (атомных подлодок) оборудование, будут сопровождать субмарины. А будут ли? Мы и замполиту задавали этот вопрос, но тот тоже отнекивался, ссылаясь на сумбурную военную обстановку в Средиземном море, да и во всём Мировом океане. По вечерам до отбоя, а то и после все до хрипоты спорили, обсуждая предстоящий поход.

А пока сообщили, что в связи с минированием Египтом Суэцкого канала, нам предстоит идти круглым путём вокруг Африки. Всё чаще одолевали «самоходы» вахтенного у трапа: «Слышь, браток, ну очень надо!». А речь шла неизменно о том самом магазинчике, что стоял на самом карнизе у спуска к нашему причалу. В заветном одноэтажном зданьице имелось всё, что было пока доступно для матросского кармана. Пока. Но с каждым днём ресурсы таяли, а желания добавлялись.

И как-то так получилось, что почти весь экипаж остался с таким минимумом курева, что его едва дотянули до экватора. А денежки, подобно дождю в пустыне, кончились, едва появившись в наших, да и в офицерских карманах, похоже, тоже. Оно бы поменьше на горку шастать, но - увы. И даже положенная по снабжению махорка почему-то оказалась дефицитом... даже для офицеров.

Глава 2. ДАН ПРИКАЗ: РВАТЬ ШВАРТОВЫ!

Какой придурок с соседствующих кораблей положил первым петлю швартового конца на наш, теперь не сыскать. Хотя яснее ясного, что с неделю назад у нашего правого суетился на вид плюгавый и напрочь проржавевший эсминец. Его вид был красочной визиткой его команды и боцмана. Ко всему на этот же пал водрузили концы не менее «грамотные» мореманы соседних кораблей.

Но и наши боцмана, и вахтенный у трапа хороши: промухали нахальство соседей. А теперь трос хоть зубами грызи: врезался чуть не до тела здорового стального пала (стальная тумба) и переплёлся чуть не с десятком других тросов, заведённых ещё при царе-батюшке.

Начало было таким: сыграли аврал и дали команду крепить всё по-штормовому. Теперь уже стало ясно, что с утречка возможно отчалим. Честно говоря, вся эта чехарда осточертела, и хотелось, очень хотелось вновь ощутить тугой морской ветер.

Но он опередил наши помыслы и прошёлся вдоль бухты свежим шквалом. Загрохотали теснившиеся вдоль стенки борта, заскрипели-застонали причальные троса. Закрутились юлой и притопли швартовые бочки на рейде. Из всех, стоявших у Троицкой стенки, наш борт, как и все надстройки, были гораздо выше других. Носовой конец отдали ещё в обед и нас начало наваливать на стоящих по левому борту корабли.

С ГКП старпом через «матюгальник» старался перекричать нарастающий шторм: «Швартовой команде прибыть на стенку! Боцман, отдать кормовой! Да чего вы там возитесь!? Шкафутovým прибыть на стенку!» От хлынувшего ливня потемнело так, что утро превратилось в сумерки вечера.

Но на бетонной, теперь уже насквозь промокшей от непогоды стенке собрались все, в том числе и аварийные партии. Ломы, ваги, всё шло в ход, но толку не прибавилось.

Разобрались по тросу и по команде боцмана пытались хотя бы ослабить стальную струну троса. Рвались рукавицы, сдиралась кожа, сочилась кровь, мат стоял непрерывный. Но и его заглушала стихия.

Мало того, ко всему стало таскать трап из стороны в сторону. Да так швырнуло, что двоих сбilo с ног и сбросило через леер прямо на береговые швеллера обнажённой арматуры. Матросов, истекающих кровью срочно отнесли в корабельную санчасть.

Вскоре приехала скорая из госпиталя: парни покалечились изрядно. И их оставили лечиться в Севастополе. Брезентовые рукавицы, порванные в клочья, валялись повсюду, мало помогавший делу мат: его заглушал рёв непогоды. А шторм крепчал всё более. Стало очевидным, что трос надо рубить или... рвать. С каждой секундой опасность затопить один из стоящих подле нас у стенки кораблей усиливалась. Грохот стоял невообразимый, ливень застил глаза.

И тут уже боцман скомандовал: «Команде на ют! Принять трап на борт! Трап крепить по-штормовому!».

Сдирая в кровь колени о скользкие деревянные балясины-ступени, непрерывно матерясь от боли, взбираемся на край юта-корму. Мокрые и с трясущимися от перенапряжения ногами и окровавленными руками, осматриваемся: все ли здесь. В такую круговерть не мудрено соскользнуть в кипящую от волн бухту. А там, в несколько секунд стихия произведёт краткий расчёт с вашей жизнью: швырнёт как щепку о любой борт, либо о бетон стенки.

Уже в кубрике медик делает нам «ремонт конечностей» и бранных тел. Знамо дело: до свадьбы заживёт! И тут... Корабельные дизеля взревели так, будто хотели вылететь из корпуса. Затем нас всех бросило на палубу, друг на друга, на рундуки и переборки. Единовременно раздался жуткий грохот с хлестким ударом вдоль борта. Стихия бесновалась: корабль вырвался из её лап!

По громкой связи услышали уже охрипший голос старпома: «Ютовым на ют! Выбрать швартовый!». А дизеля,

как бы подтверждая свою жизнеспособность, отзывались звуками из недр машинного отделения... Корабль вышел на фарватер бухты.

Буксира по случаю нагрянувшего шторма не было. Да теперь уже без надобности. На рейд вышли без лоцмана: волны не давали возможности швартоваться к борту плавбазы.

Иллюминаторы были по-штормовому задраены и мы прошли мимо памятника затонувшим кораблям, не успев попрощаться. Александровскую крепость-равелин, почти не угадывалась сквозь хляби.

Мы вышли в открытое Чёрное море. Многие из нас сюда больше никогда не вернутся. Тут же ограничили расход воды по-походному: 25 литров на брата, учитывая как умывание и стирку, так и приготовление чая с супом. Посчитал и курево: 58 пачек на весь поход. Явно мало, но видно есть уставная махра? Но нас, курильщиков, а это не менее 70 процентов корабельных, жестоко разочаровали: табак не загрузили вовсе. Дизеля набрали обороты. Шли курсом на пролив Босфор. Лишь потом, на следующий день мы узнали о происшедшем после приказа командира плавбазы «рвать швартовый ходом корабля».

В связи с безвыходным положением штаб Черноморского флота дал «добро» на такой приказ. Мы с интересом разглядывали, перегнувшись через леер, огромную вмятину в корме и порванный стальной трос с руку толщиной, торчащий из бухты на брашпиле.

Тут же интересовались происшедшим наши гости-курсанты, глядя на перебинтованные руки у многих из нас. «Парни, что было-то вчера? А?». Кто-то из наших угрюмо ответил в тон именитому герою фильма Саиду: «Стреляли...».

Такое начало похода несколько удручало и наводило на мрачные аналогии. Но наступали вторые сутки нашего похода. То ли ещё будет? По бортам, ближе к горизонту шли эсминец и СКР - боевые корабли Черноморского флота. Они что, сопровождают нас? Или показалось...

Глава 3. ВИЗАНТИЯ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ, СТАМБУЛ

А предстояла на нашем пути с утра пораньше мировая сокровищница, город-порт, имя которого менялось в веках, но неизменно с величайшим вожделением, почтением и изумлением.

- А вы бывали в Стамбуле? А в Константинополе? Неужто нет? А в историю древней Византии не вникали? Зря. И не просто зря, непростительно в нашей короткой жизни хоть одним глазком не повидать это необыкновенное чудо архитектурного воплощения древности. Живого предания веков.

А пока... Винты отработывали милю за милей, отдаляя нас от родных берегов Родины. Всё меньше радиостанций стало приниматься на русском языке. Хотя почти на подходе к Стамбулу услышали «Пионерскую зорьку». В душе что-то нахлынуло и подступили слёзы: когда ещё доведётся услышать родные с детства позывные!

Наспех выслушав патетическую речь замполита о предстоящем кругосветном походе и его сложностях, я пошёл познакомиться с курсантами ТОВВМУ. В них я видел своих потенциальных собеседников на интересующие меня темы: от проблем физики до биополя человека, от тектоники до гравитации... В конце концов, что за город - Стамбул? Читал много, а вот теперь... В общем, иду к своему сообществу, пока время от времени появляются свободные от вахты час-другой.

До Стамбула, где нас ждала САМА история древнего мира, культурная колыбель человеческой цивилизации - Анатолия и Фракия, оставались считанные мили.

А не зайди я тогда в кубрик курсантов, никогда бы уже не смог по достоинству оценить увиденное на берегах пролива Босфор и в преддверии его на островке Кыз - Кулеси. Как и многое другое за время нашего похода. Чего греха таить: не больно-то я увлекался морской, а то и попросту историко-

географической романтикой. Но невольно проникся ко всему услышанному от курсантов именно здесь, в скромном матросском кубрике.

Познакомился: Костя, Саша, Витя, мой тёзка Валера, опять Витя... Скажу лишь, что 40 лет спустя смог сыскать лишь этих пятерых. И не удивительно: курсантов было около двух сотен. Большая часть, из которых были младше меня. Тогда это имело значение: мы, корабельные «годки», дослуживали свой, последний, четвёртый год службы, своего рода «годками» были старшекурсники ТОВВМУ.

Любая тема разговора неизменно у тех и других начиналась так: «Вот закочу службу...», либо - «А я после училища буду проситься служить на...». Так что благодатная почва для общения уже была.

А потом, не в обиду будь, сказано, но старшекурсники знали и умели намного больше своих младших товарищей. Ко всему, многие видели не только Стамбул, да и в лоциях, что были в их пользовании было немало сведений. Так что, войдя в их кубрик однажды, я посещал ребят, чуть ли не ежедневно.

- Здорово, парни! Из Сибири кто есть? (Неизменная форма знакомства у служивых). Ах, с Урала! Считай, земляк. Как зовут? Саня, значит, а меня Валера, из Омска я. Ну и как вам у нас? Да ничего, обживётесь. Что надо, обращайтесь. Я рядом, в седьмом. А вы штурмана, надо понимать? Замечательно: будете иногда просвещать нашего брата о береговых и прочих интересностях. Вот и ладненько. Пошли, курнём по этому поводу. Дымили уже на юте, смахивая пепел в кипящие буруны за бортом. Так интересней, хотя и не положено по морской этике, равно как присесть на кнехт или пал (швартовые тумбы на верхней палубе), что трактуется как «сесть на голову боцмана».

И был *рассказ ПЕРВЫЙ* от Виктора о светящемся знаке на Кыз - Кулеси, возведённым изначально ещё до нашей эры. Он расположился в створе пролива Босфор:

-Ещё в пятом веке до нашей эры в ходе войны между афинянами и спартанцами на этом скалистом острове была

построена сторожевая башня-крепость. Именно через неё и была изначально натянута железная цепь, перекрывающей Босфор. А заодно и доступ в Чёрное море, именуемого тогда в нашем переводе как «Гостеприимное море» (Pontos Euxinos) либо Понтийское, отделявшее некогда Босфорское царство от других государств. А в 395 году от р.х. практически само море и его берега стали принадлежать Византийской империи, как бы отколовшейся от Римской. Поначалу, конечно.

Так вот византийский император, дабы уберечь от напастей свою любимицу дочь поселил её в этой крепости под усиленной охраной. Замок, затворницы был отделён от берега на 200 метров. Но это не помешало ядовитой змее нанести бедной девушке смертельный укус. Змею якобы пронесла злая колдунья. Вечно, желая какую-либо пакость свалить на кого-то, придумывали колдунью, упыря, а то и лешего. Одним словом девку сгубила папашина бдительность на грани шизо. Крепость так и нарекли «Девичьей башней». Существуют и более романтические истории, например, о влюблённом юноше Лендре и красавице Геро, жрице богини Афродиты. Богиня же упрятала возлюбленную Лендра на скалистом острове (опять - двадцать пять!). Туда Лендр добирался каждую ночь вплавь. В итоге парень утоп, а юная жрица прибегла к суициду, бросившись на скалы. Скорее всего, она скончалась, истекая кровью, ибо служб спасения на острове тогда не предусматривалось по штату у скряги - Афродиты. Позже, уже турками башня была достроена и укреплена пушками.

-Так-то будет лучше, - рассудили они, дополнительно натягивая цепь вдоль пролива уже от крепости Румельхисар. *Рассказ ВТОРОЙ*. В 1452 году по приказу султана Мехмеда Фатиха (Завоевателя) выстроена крепость Богаз - Кесен (Румельхисар или «Перерезающая горло») на берегу Босфора, напротив крепости Анадолухисар. В отличии от нынешнего долгостроя, длящегося почти десятилетия, прорабы древности без всяких соцобязательств и с отличным качеством (крепость и поныне целёхонья)

завершили постройку монстра фортификации за 4,5 месяца! Как видно с обмывкой проблем не было и, вопреки миллионам туристов, пытающихся растащить её на сувениры, крепость устояла. Да и «горло перерезать» нынче не имеет смысла. Стой себе, да стой местным ЖКХ на утеху.

Величие крепости можно оценить только по трём башням: Халил - Паша и Саруджа Паша - диаметром по 24 метра и высотой 33 метра (12-ти этажный дом). А вот башня Заганос Паша возвышается аж на 57 метров. (22 этажа с крышей вместе!). А уж стены и вообще едва не равня Великим китайским.

Позже крепость присмотрели таможенники: как-никак, а центр города! Затем кому-то из стамбульских властей пришло в голову разместить в крепости тюрьму, что оказалось совершенно малоходным. Так что в 1953 году после турецкого же евроремонта здесь разместился замечательный музей со старинными пушками и летним театром. Скорее всего, там не забыли и про буфет, не менее доходный, нежели сам театр. Там, то есть по соседству с буфетом, турки и поныне закатывают концерты, пополняя казну города.

Но, прежде чем передать последующие рассказы курсантов, вникнем, хотя бы вкратце в удивительную историю ГОРОДА МИРА.

Отстраивать и заселять территорию нынешнего Стамбула всё-таки начали с азиатского берега где-то в 680 году до н.э. Это были некие мегарейцы, спасающиеся от дорийцев. Те и другие - греки. Только мегарейцы первыми начали, можно сказать, в наглую, перессорившись с куда более вежливыми дорийцами. А, загнав мегарейцев в Азию, дорийцы предпочли слечь европейцами, оставшись поселением на другом берегу Босфора, и заодно прихватили кое-какие острова с морем Понтом Эвксинским, то есть тем самым, которое мы почти оставили за кормой.

Но мало-помалу (греки, они и в Африке-греки) первопроходцы нашли общий язык. Хотя в 513 году сюда же чёрт принёс персов. И лишь почти через столетие спартанцы, а

за ними галаты в 146 году до н.э. обеспечили нечто наподобие союза с самим Римом. Такая чехарда на бесплодных берегах пролива творилась веками, до 330 года уже нашей с вами эры. Тогда император Константин Великий не без тщеславного умысла (знай наших!) поименовал Константинополь второй (после Рима, конечно) столицей мира! А, если быть скромнее, то Византийской империи.

И процветали бы себе от века в век. Так ведь и другим захотелось попроцветать. Тем же арабам (Уж не компаньоны ли это Моисея, сбившиеся с 40-летнего маршрута?). Но взяли верх османцы. В 1453 году войска Мехмеда Второго, не имея даже прописки в окрестностях Босфора, осадили - таки Константинополь. И с тех пор, теперь уже Стамбул стал центром исламского мира. А, завоевав Константинополь и в меру потешась над его жителями, турки дали городу новое имя Истанбул. Тут же застолбились, сделав его столицей Османской империи и пристанищем оттоманских турок, имеющих просроченное мусульманское гражданство. Халифат, видите ли, им негде больше разместить!

Мало того, незаконные постройки турок носили капитальный характер. Дворцы (явно не по средствам), мечети, медресе вплоть до 18 века росли как грибы. Хотя полностью затмить христианство греков османцы и их потомки так и не смогли, хотя очень к этому стремились. Красочным примером служит существующий поныне (!) храм Святой Софии.

Костя рассказал о Святой Софии так, что впору писать реферат. Да и есть ради чего. Это чудо архитектуры 6 века. И именно в сей храм прибыли послы русского князя Владимира-Красное Солнышко, дабы проведать доподлинно, сколь хороша христианская вера. И были сражены божественным великолепием Святой Софии. «Тако же баяли о сём князю: «Яко в раю побываши» и тот принял веру во Христа из рук Византии. Отсюда и повелась культура христианства. *Рассказ ТРЕТИЙ*. Айя - София или в переводе Святая Мудрость (переименованная турками Святая София), она же Голубая мечеть по цвету внутренних

росписей. Даже на сегодня она - красивейшая из четырех музеев мира: Св. Павла в Лондоне, Св. Петра в Риме и Дома в Милане. И это при том, что немалая часть великолепий попросту уничтожена и разграблена на протяжении веков её существования и межрелигиозных неурядиц.

Более всех в 532 году потратился на храм византийский император Теодосиус. Он вбухал в строительство церкви такие средства, что никто в мире не мог даже осмыслить, представить их размер. Величайшие геометры того времени Теодор и Анфениус ставили своей целью даже превзойти красоту божественного храма Артемиды. И это им, пожалуй, удалось.

А тот же Юстиниан, едва не промотал на храме казну империи, задумав устелить пол (!) плитами кованого золота, а заодно и стены. Еле отговорили те, кто был поумнее: ведь в одночасье умыкнут местные тати, либо гастролёры.. Так нет, он всё-таки приказал сделать некий расплав из золота, добавив туда рубины, сапфиры, аметисты, жемчуга, топазы и ониксы. Больше, как видно, у него и не осталось драгоценного. Ко всему изобрели такой раствор для постройки, что его состав или секрет приготовления так и остался тайной. Хотя до сих пор бьются.

Будь побольше бумаги и времени, о стамбульской Софии можно написать тома. Но вот какие чувства овладевают посетителей храма: *«Когдаходишь в саму церковь, перехватывает дыхание: так она велика и просторна. Освещение так размещено, что всё воспринимается фантастически невесомым. Из-за обилия окон (часть из них, как видно по недомыслию заложили мусульмане) стены кажутся ПРОЗРАЧНЫМИ. Великолепие убранства поражает неземной красотой. Гармония каменных и кирпичных кладок делает строение воздушным»*. И всё-таки, описанное здесь есть лишь эфемерная, приблизительная толика истинного. До вахты оставалось часа полтора. Тезка Александра поведал ещё об одном архитектурном чуде Стамбула: дворце Долмабахче. Следуя дневниковым

записям, попробуем воскресить *рассказ ЧЕТВЕРТЫЙ*. О чудачествах османцев ходит немало легенд. Частью - чистая, правда. Стоило им только завоевать Константинополь-Стамбул, как началось чёрти что. Мало им резни и погромов, так стали засыпать песком заливы бухты, где разместились, было, корабли флотилии падишаха Ахмеда Первого. Будущих падишахов ещё при рождении нарекали так, чтобы они были в худшем случае Вторыми, но никак не Четвертыми, либо 7,5-ными. Так вот этот Первый, не имея под рукой даже бульдозера на шасси трактора «Беларусь» в одночасье зарыл водную гладь, притоптал ичигами и повелел воздвигнуть... дворец. Так решались земельные вопросы ещё в 1611 году. Японцы уже переняли метод на халяву.

Так вот строили, переустраивали, даже первоначальное название дворца Бешикташ сменили на Долмабахче. Да и место опять-таки в центре города, почти курортная зона (ох, уж эти мне падишахи! Везде у них блат.), так что уже 31-ый падишах в 1839 году Абдулмеджид Первый (а что я говорил! Не 31-ый же!) приказал отстроить дворец заново по образцу лучших домов Лондона и Парижа. Видел ли Абдулмеджид Тауэр или Лувр, не ведомо, но дворец получился очень даже миленький. В стиле османского ренессанса. Да и завершили постройку «под ключ» в 1853 году, пустив госказну по миру. «Пусть сдохнут от зависти!», видно помыслил правитель. И отгрохали в итоге такое,... что иностранные послы падали ниц и не хотели долгое время вставать. И даже при усиленном приглашении охранников, а возможно и просто гаремовских госслужащих продолжали конвульсивно биться в поклонах. Теперь это же (отвешивают поклоны) делают туристы, хотя и мысленно. И на том спасибо тому самому Абдулмеджиду. Не только о личном пёксе мужик.

И не удивительно: только золота из турецкого Гохрана отвалили 14 тонн и серебра 40 тонн. Картины и бесчисленные ковры стащили и рассовали по несусветному количеству залов и комнат. Был тут и гарем для личного пользования. Таблички «Без доклада не входить» тогда на гаремах не предусматривалось, но всё-таки..., видно как-то выкручивались, а то и просто отрубали голову.

Быстренько произведя развод на приборку, я нырнул в заветный кубрик. Витя обещал рассказать о жемчужине Стамбула - бухте Золотой Рог. Ведь уже утром всё рассказанное должно предстать перед нами. *Рассказ ПЯТЫЙ.* Бухт с таким названием, как и проливов, Босфор - две. Первая же, которая в Стамбуле, как бы основоположница, родоначальница второй в заливе Петра Великого, что в Приморском крае. Скорее всего, мореходы приметили схожесть бухт, как в очертаниях, так и в удобстве пользования кораблями. Мы будем вести речь о бухте, ставшей истинным украшением Стамбула. Увы, но этого не скажешь о её тёзке в Приморье: грязь и нефтеотходы непролазные, а дно скрыто под отходами судоремонта и судоходства.

В Стамбуле турки бухту именуют Халич. А коли копнуть глубже, то те же греки, аборигены здешних мест поименовали заливчик Хризокеракс, что как раз и переводится на наш с вами язык именно как «Золотой рог». Русские же открыли ресторан Золотой Рог, но его во Владивостоке местные называют не иначе, как «Рога», что не одно и то же. Скорее всего, ресторан стал пристанищем обманутых супругов, обмывающих «подарки» от неверных жён.

Когда-то турки в заливе даже расположили базу своего флота. Но вовремя спохватились: от военных одни проблемы с экологией, а создавать их в центре Города Мира...И базу прикрыли. Нам бы их мозги! Так что ныне это красивейшее место, с лазурной гладью вод (а не мазута) и кипарисами по всему побережью. Да и памятники старины в городе принято лелеять, а не сносить под «шопы» и бистро. Хотя в Стамбуле на любом углу напоят и дадут перекусить. А нашего брата туристов здесь пруд пруди. Так что есть смысл беречь старину! Особенно здесь, где переплелись культуры греков-византийцев о древних турков-османов. Обилие музеев: их десятки и ВСЕ посещаемые. Мы же музеи чаще игнорируем. А по сему наша культура, как засидевшаяся без внимания перестарка: вряд ли родит чего для потомков. Наши предки ещё тужились в этом направлении и оставили нам образчики архитектуры, богатый фольклор, литературу, традиции...А мы?

Конечно же, похерив своё, не прочь поглазеть на чужое. Хотя не так уж и чужое: ведь та же греческая культура издревле стала нашей. Да и центр христианства, резиденция высшей церковной инстанции православных церквей патриарха Вселенского Константинопольского находится здесь же, на побережье Босфора!

Всё! На сегодня достаточно. Ведь нам предстоит лишь проследовать по фарватеру пролива, а не шастать по многочисленным базарам. Хотя некоторые утверждают, что, не посетив стамбульский базар, вы не увидите города и его душу. Вот завтра и увидим. Но как бы изнутри. Кстати, современники утверждают ещё, что нет краше экскурсии по Босфору. Но мы- то просто советские моряки!

Ещё до подъёма по-походному объявили «По местам стоять для прохода узкости!». Да за такое «стояние» на верхней палубе рад полжизни отдать! Вот, вот он, Стамбул! Белокаменный маяк на Кыз - Кулеси. Изумительные картины, сплошь покрытые цветущей растительностью берега! По правому борту видим Стамбул - Европейский с подчёркнуто вытянутыми старинными строениями с гармонично возвышающимися зданиями современности (здесь и далее использована моя дневниковая запись 1967 года). Как пример тому здание отеля Интуриста. Вдоль борта уйма катеров. Мы тоже стали частью достопримечательностей Босфора! Фотографируют нас, мы тоже, но втихаря от опера КГБ: низзя! Но почему? Нам машут руками, что-то кричат, улыбаются. Как видно «раша», то бишь мы, им по нраву. Господи, ну до чего здорово: всего в полустах метрах от нас катит большеколёсная арба с осликом в упряжке, а рядом лимузин, вроде нашей «Чайки». Вот те и цивилизация!

А вот и она, бухточка, родимая тёзка нашего Золотого Рога. А кораблей- то в ней! Ведь в ней и ширины-то около ста метров! А уж яхт просто не меряно. Богатенькие...Виден мост, вроде как Галатинский. Еле просматривается из-за леса мачт. Среди зарослей кипариса пронзают утреннюю дымку минареты. Где-то здесь и патриаршия контора, по-нынешнему - офис. Может во-он то красивенькое рококо?

Пойми тут без гида. И виллы, роскошные старинные виллы. А может это тоже чьи-то дворцы? А крыши сплошь из обожжённой черепицы: красные. Лимузин даже тормознул и тоже снимает нас. Шпион, что ли? Вот его бы и прихватил наш особист! Так нет, он нас шугает: то от бортов, то от иллюминаторов. И когда только успевает! И замполит туда же, хотя тоже глазееет: когда ещё увидишь такую красоту.

Вот и дворец. Неужто он: Долмабахче? Фотографирую всеми аппаратами сразу, как и все предыдущие красоты. Потом разберёмся, где чего заснято. Не попасться бы, главное! Но уж тут без сомнений мечеть Султан - Ахмет! Точно! Шесть минаретов вокруг и подстать по величине Святой Софии. Вот только теперь она Айя - Софья, да ко всему и тут турки наколбасили: аж четыре минарета вокруг. Понимай, что не храм божий, а мечеть. Теперь она вроде как мусульманская. Поздно «пить боржоми», когда даже фрески в родимой позамазали и колонны растащили, да и кое-что по мелочи в карманах шаровар.

Немало зданий каменной кладки с куполообразными крышами. Ну, прямо наши планетарии, если бы не минареты вокруг. А коли, нет таковых-то просто мусульмане живут правоверные, конечно. А вот в этом двухэтажном не-то дворце, либо просто шедевре архитектуры, расположились представители от СССР. Не всем же сидеть в Анкаре! А тут поглядывай себе с балкончика, да пиши отчёты в Москву. Красота! В конце концов - это их дело.

Крепость Румели - Хисары поразила своим величием и нависающей громадой. Это здесь «перерезали горло» Босфора. И опять снимаю. Вот и всё! Дольше ждали. Спасибо ребятам, рассказали, а то бы лупал и ахал незнамо, на что и чему. 11 мая пополудни, а то и к вечеру. Выходим в Мраморное море.

Глава 4. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Очнувшись от впечатлений Стамбула, вышли в Мраморное море. По непроверенным слухам, сопровождающие корабли

покинули нас уже при подходе к Стамбулу. И чего было утруждаться? Вот в Средиземке - другое дело: на его просторах кишмя кишат натовцы. Эти долбанут торпедой и не поморщатся. Ох, уж этот секретный поход: все всё про нас знают, только мы ни черта не ведаем. Да и запретов тьма: ни радио, ни телик, ни фотоаппараты пользоваться нельзя. «Не положено», но кем и почему?

Ну как тут не возмущаться? А ведь берега, именитые берега, - вот они, как на ладони! По правому борту бывшая греческая Фракия, но уже давненько, как турецкая. А там, уже за горизонтом и по левому борту - Бурса. Как-никак, а бывшая столица Османской Империи. Не зря они зарились на тогдашних соседей византийцев, владевших Босфором! Зависть - гнусное дело, но ведь одержали верх! И владеют поныне. Идём полным ходом к Дарданеллам. Последняя узкость, вплоть до Гибралтара. Распирает душу от гордости, что идём по легендарным путям мореходов с незапамятных времён, ещё до нашей эры! Это же водораздел Азии и Европы. Разлом континента Евразия, постоянно не дающий покоя ни племенам древности, ни империям нашей эры, ни целому ряду народонаселений.

- А вот соседи устроились куда лучше нас! - шептала одна из смазливых жён падишаха в его высокочтимое ушко.

- А твои подданные куда воинственней и многочисленней! Чего зад отсиживать на коврах-то! Смотался бы в ту же Византию, да подзахватил земельку у Босфора: хочется, чтобы окна гарема на пролив выходили!

Примерно так «вдохновлялись» воители перед очередной захватнической акцией. Примером тому был царь Ахашверош, в миру Ксеркс: он в захватнической агонии добрался-таки до греческого (тогда) пролива Гелеспонт, а позже - Гибралтар. Но, дудки, фокус с переправой войска, хотя и зело превосходящего противника, не удался. Какой-чудак из местных, видно хохмы ради, присоветовал напыщенному царю построить мост. Заметим, что проливчик-то на пути был очень даже проливистый: от

полтора до тридцати километров, а в милях от одной до пятнадцати. Нынешние мостостроители только смету на эдакий мост канючили бы с год-два, а тут...Но, говорят, сварганили некий пешеходный переход, ведь не танки же переправлять! Да смыло море ихние городульки первым же штормом. Так и не достроили его горе - завоеватели.

Вошли в Дарданеллы в 15 московского 12 мая. Дельфины по носу будто указывают нам фарватер: разрезая волны-усы от корабля, подлетают ввысь и свистят по-хулигански залиvisto и хором. Чуть ли не по борту прошлись рыбаки, на какой-то шаланде. Кричат, машут руками. Да и не машут вовсе: это же флажной семафор, но просто руками. Передали нам привет и счастливого плавания. Подпись: бывший узник Бухенвальда. Вот ведь как случается!

Утро уже встретили в Эгейском море. А уж в нём-то...Пожалуй, и шагу ступить мимо исторически знаменитого места невозможно. Одна Троя чего стоит! Вон, по левому борту она, теперь тоже турецкая. Нелишне вспомнить и о славе русского флота. Её ныне носят символически все русские матросы на плечах в виде трёхполосного воротника-гюйса. Так вот полосы - это по преданию знаки великих морских сражений: Чесменского, Синопского и при Гангуте. Завтра пройдем острова Лесбос и Хиос по левому борту. Лесбиянок вряд ли покажут, а вот Хиос...

Между ним и берегом Хиосский пролив, где и настигала русская эскадра турецкий флот. Нашу эскадра вступила в сражение под командованием адмирала Спиридова и Главкома Флота графа Алексея Орлова. Турки ретировались в Чесменскую бухту, где и были поголовно уничтожены. Хотя правильнее было бы сказать «покорабельно уничтожены», а матросов турецких наши вылавливали и оказывали помощь. Битва укрепила позиции и славу российского флота навсегда.

А тем временем за обеими бортами плавбазы буквально в кабельтове, а это примерно 200 метров, шли как совместными, так и встречными курсами самые разнофлаговые корабли: сухогрузы, танкеры, рыбацкие посудины, изредка

пассажирские лайнеры-красавцы. Военных кораблей до самого Средиземного не встретили ни единого. Американцы в этот «угол» морей заглядывать манеры не имели: опасались не без оснований встреч с русскими. Да и хватало «своих» забот в колыбели Европы - Средиземном море.

Заглянем, что в эти дни в этом море творилось: 11 мая, скорее всего ночью, иначе мы увидели бы, проследовал в Средиземное параллельным курсом черноморский крейсер «Слава». Они шли под вымпелом первого заместителя Командующего Черноморским флотом адмирала Сысоева. В этот же день собрали переводчиков с арабского языка в Каире и распределили по кораблям Египта. Египетский МИД СССР не эвакуировался. А командование ВМФ СССР усилило 14-ю эскадру Средиземноморья силами Балтийского и Черноморского флота. Арабы выдвинули лозунг: «Сбросить евреев в море!». То есть дела шли далеко не шутейные, особенно, если учесть, что корабли НАТО уже были наготове отстаивать агрессивную политику Израиля. Холодная война вот-вот могла стать горячей и даже очень, если учесть, что в НАТО насчитывалось более десятка стран, а в Варшавском договоре участие принимали все страны социализма. Понимать двояко не приходилось: если война, то непременно мировая и, не исключено, что ядерная!

Снарядов у нас предостаточно, сам участвовал в погрузке: полные трюма. А вот с ракетами неизвестно, может подзагрузят по пути следования. Вот только куда «следования»? Нам-то надобно на Камчатку прибыть и обеспечивать тамошнюю боеготовность, а тут... Ну а, в общем-то, куда прикажут: можем и к арабам. С интернациональным, так сказать визитом. Здравсте, мол, уважаемые арабы, вот и мы, ежели что!

И посыпались как из торбы острова сплошь с греческими названиями: Андрос, Микonos, Наксос ... почти русское «накос».

Последний остров Тира выплыл уже из изрядно волнистого Критского моря. Так что «прощайте скалистые

горы», но Греции. Вот только не разобрать даже по карте: которые из островов всё-таки турецкие, но с греческим названием, а которые наоборот, либо вовсе необитаемые и затопляемые приливом. На них можно загорать как грекам с турчанками и туркам с гречанками: весело и познавательно. А то и породниться недолго. Нам бы ещё туда, да плавок модных нету. Так что винты крутят, корабль идёт.

12 мая увидели старого знакомого по Тихому океану - самолёт-разведчик США - «Орион». Не ведали мы, бывшие подводники, что теперь отныне и до окончания похода он будет постояльцем в небе над нами. А то и в роли бомбардировщика: в боевом залёте с носа в корму. Но это позже. А пока, при очередном облёте на очень уж малой высоте мы продемонстрировали лётчикам название того самого острова Наксос, то есть международный жест «накось»! Но совсем малость погода, нас облетал и невесть чей самолёт «Нептун». В первый и последний раз, видно из местных. И всё стихло. Как перед грозой. Может так оно и есть? Но какой грозой: небесной, либо от супостатов? Обессилевшие птицы величиной с голубя, но схожие с цаплей, сели на палубу. Опять в диковинку: на лодку, ненароком всплывшую в океане, а это случалось лишь по ночам, никто не садился. Разве что мы сами выползали выбросить мусор и пару раз курнуть, мельком взглянув на звёзды... А эти вот совсем ручные. Не боятся совсем, видно из сил выбились. Да и знают, поди, что не тронет моряк птичку божью. Сами под богом ходим по морям.

13 мая. Изрядно потеплело. Уже в Средиземном. Огромный танкер, едва просматривался вдали, скорее всего из того же Израиля: шел напрямиком на восток. Мы же взяли курс строго на запад. Как видно, быть вовремя на Камчатке важнее событий у Суэцкого канала. А ведь изначально мы именно по нему и должны сейчас идти, будь мирное время. Теперь же там полным-полно мин. Втихаря пробуем настроить телевизор в кают-кампании мичманов. Матросы на корабле всегда найдут место и время для своих дел.

Идём курсом на Сицилию. Следовательно, можно узреть их берега хотя бы по телику. Но вся беда была в том,

что телик-то наш, советский, а телепередачи - ихние. Да и наше телевидение, честно говоря, было несколько убогим по сравнению с зарубежным. Не удивительно, коли пошло оно по стране лишь в пятидесятых, а кое-где и в шестидесятых годах.

Теперь не многие и помнят пресловутые КВН с линзами и экраном с кусок банного мыла. Наши корабельные «Рекорды» были весьма сходными приборами, хотя по нынешним понятиям просто примитивными. Но нам и этого казалось много, лишь бы разрешили. И «добро» было получено «под наблюдением офицеров и соблюдением...». То есть «никаких баб». Ну и ладно. А дизеля безостановочно отбивали адскую чечётку, сотрясая корабль. И ведь спали как убитые: гул дизелей, качка, команды по динамикам ГС, доклады дневального по кубрику - всё нипочём. Теперь вахта для всех и трёхсменка. Особо не забалуешь. Ко всему добавить построения до десяти раз за день, плюс учения и тревоги. А коли тревога, то шиш поспишь после вахты: вскакивай и беги. Да ко всему уж больно хочется посмотреть телик «иностранческий». Тут ещё такая заковыка: несовпадение частот по приёму звука и изображения. Звук на одном канале, изображение на другом. Замучились перенастраивать. Потом додумались: звук ловили по приёмнику. Смотрим телик и слушаем сопровождение по радио.

Так что толпы на телепередачи в кают-кампанию и матросскую столовую набивалось под завязку. И вовсе не в передачах было дело, а в том, что это ТУНИССКОЕ, либо ИТАЛЬЯНСКОЕ телевидение. Так что смотрели все, подряд, не закрывая рта, время от времени восторгаясь: «У-ух ты! Во здорово! Во дают!». Хотя чего там «дают» не смыслил никто: речь то не по нашему. И так сойдёт! Да и когда тут спать, когда кругом столько всего! И вода вдоль бортов и за кормой особенно стала не просто светиться, а как бы полыхать.

Дельфины состязались с нами, выказывая своё преимущество: обгоняли корабль и устраивали целую

феерию водных, исключительно синхронных танцев. Но уж больно часто были картины далеко не веселящие. На горизонте, а то и совсем рядышком сновали военные корабли с незнакомыми флагами: супостаты. Не раз видели и перископы лодок. Чьи они? Скорее наши, раз тревогу не играют. А уж, сколько гражданских судов, то не счесть: Средиземное море по праву самое судоходное в мире ещё до нашей эры.

Облёты стали настолько регулярными, что и тревоги играть перестали. Просто наши комендоры БЧ-2 (пушкари) «врубали» систему наведения пушек автоматов «Барс» и все дела. «Барсик» же тыкал стволами точно в брюхо низколетящему самолёту, а тому это следовало понимать, что могут и пальнуть, посмей он залёт по иному сделать. Наш корабль-то военный, а тут свои правила: «Поиграйся, но не балуй!».

14 мая Президент Египта Насер ввёл свои войска на Синай и потребовал убрать объединенные силы ООН. Тут же объявил всеобщую мобилизацию в ВС Египта.

Видели нечто похожее на каменную гряду почти прямо по курсу. Но гряда... плыла. Кто-то сказал, что это черепахи «в надводном положении». Идём к Испании. Но уж больно не испанским, вернее не Гибралтарским направлением! Зачем-то встали в дрейф у Болеарских островов Ивиса и Форментера. Именно в этих местах по лощам подводная свалка взрывчатых веществ. Весёленькая стоянка! К ночи выяснилась причина «веселья». Это нечто вроде свидания на минном поле, чтобы никто не помешал. Очень даже остроумно. Подошёл к нам кораблик, весь в антеннах, но как бы рыбак. «Подхарчился» у нас «чем бог послал», а вернее интенданты ЧФ. Сбросили почту: не видели, вернее не ступали на берег около восьми месяцев. То есть видеть копчёности, даже иногда и нюхать могли, но вкушать...» не могли».

Погода не препятствовала перегрузке провизии и перекачки воды. Вскоре «рыбак» исчез в ночи, не зажигая топовых огней. Чего уж тут не понять: служба...

А мы опять: «К бою, походу», хотя на сей раз без построения, хотя никто и не спал. Общались с «рыбаками» - одноклассниками. Стояли-то бортами вместе. Идём к Гибралтару. Просто не верилось, что нас вот так просто «отпустили погулять» наши потенциальные неприятели. Хотя, даже вполне вероятно, что мы для них «кусучая» цель: лодка, а может и не одна, должны быть поблизости. Не для того наш корабль строили, чтобы его грохнули торпедой по причине новизны проекта.

Еле продрал глаза, смотрим по экранам Валенсию, Мадрид. Во, черти, эти испанцы: наши Известия показывают, вот только бы без перевода на испанский, мешает только! А так все замечательно: танцы, песни, можно подумать, что им всё побоку. А, в принципе, - вон она, Испания! По левому борту очень даже неплохо видно побережье, сплошь утыканное кораблями и корабликами. Военных и вовсе не видно, но «Нептун» прожужжал над нашими головами - хоть часы сверяй. Ровно к нашему утреннему чаю.

Конечно же, всё, а скорее далеко не всё удаётся сфотографировать. А уже глубокой ночью в одной из моих (корабельных) лабораторий проявляли плёнки. Печатание фото оставляли до лучших времён. Плёнку спрятать легче. Бережёного бог бережёт! А на верхней палубе ветерок посвежел настолько, что пришлось достать было упрятанный бушлат. Вот те и Африка под боком! Так это нам прохладно, а как этим же марокканцам? Ведь попростывют ко всем чертям и забюллетенят в массовом порядке.

Но лучше и познавательней сыскать НП (наблюдательный пункт) по правому борту, где во всю панораму открывается Испания. Население всего 30 млн. человек (на время нашего похода). Это даже меньше, чем на Украине. Зато баз военных и далеко не испанских, а скорее американских - до 30 штук! Так кто на кого зуб точит? Если у нас и есть некая альтернатива, так только на Кубе...А шума-то! Одна из самых «крутых» баз американцев - на испанском острове Терейра. Но и это не самое удивительное: непосредственно

на берегах Гибралтара возвышается крепость Гибралтар, которая напрочь вся АНГЛИЙСКАЯ. То есть, и сама территория базы и всё находящееся на ней принадлежит Великобритании. И всё шито-крыто. Слева марокканская Сеута, а справа - крепость Гибралтар. В 18 часов корабельного времени 17 мая вошли в пролив Гибралтар. Бешенный встречный поток вод и ветра из Атлантики. Плавбаза, преодолевая напор стихий, еле продвигается со скоростью относительно берегов - не более 4-5 узлов. То есть чуть быстрее пешехода.

Английские корабли подчёркивают своё владычество над окрестностями, а по сему шныряют почти перед форштевнем. Но наш командир перехода и командир корабля невозмутимо выжимали «узлы» из дизелей. В общем, делали всё, чтобы англосаксы остались «при своих». Утёрли сопельки потомкам «владычице морей» - Англии. Так в «тихоходе» встретили закат солнца и сам вечер. Взгорье, вместившее в себя крепость, осветилось мириадами огней, став похожим на новогоднюю ёлку. Примеру последовала лежащая через пролив африканская Сеута.

Гибралтар или Джебель - Альтарик по-арабски, а ещё древнее Mons Kalpe, что прямо напротив знаменитых Геркулесовых столпов - это ко всему мыс и город. Крепость, а заодно и город построил мавританский полководец Тарик в 710-ом году. В 15 веке постройки присмотрели испанцы. Они им пришлось по вкусу, да так там и остались бы, но туманы Альбиона наскучили англичанам и уже они перепрофилировали их на свой манер. Сменили и табличку о территориальной принадлежности на: «Тыз ис инглиш». Что следовало понимать как: «Теперь это наше».

Глава 5. КАНАРСКИЕ ОСТРОВА

18 мая и все последующие до экватора и дальше наш путь лежит уже по Атлантическому океану. Причём совершенно малохоженным путём: вдоль берегов Африки. Хотя

зарекаться преждевременно. Вполне может статься, что и вдоль той же Южной Америки и пиратский пролив Дрейка. При упоминании имени Френсиса Дрейка любым моряком овладевает эдакая романтическая удаль. Ведь это человек-легенда, подданный английской королевы Елизаветы Первой. В 13 лет он впервые взошёл на торговый корабль. В те времена «торговля» нередко подразумевала работоторговлю. А сие занятие технологически предопределялось обычным морским разбоем и захватом этих самых рабов.

А морские разбойники-профи и есть корсары, сиречь-пираты. Вот только не все пираты кончали свою развесёлую житуху, раскачиваясь в петле на рее. Дрейку королева жаловала звание адмирала и активно потакала титулованному разбойнику деньгами и флотом. Не безвыгодно для королевства. И ко всему новоявленный адмирал расколошматил испанскую «Непобедимую армаду», развязав руки новой владычице морей - Англии.

Мало того, будучи отъявленным головорезом, а без этого и пират-не пират, он прекрасно ориентировался на земном шаре. А это в свою очередь сподвигнуло величайшего авантюриста своей эпохи где-то в 1580 году пройти самый беснующийся пролив планеты. Аборигены наверняка долго искали морского бродягу, чтобы вручить ему верительную грамоту на поименованный водный ресурс у мыса Горн и в обозрении Огненной Земли.

А пока, завернув за северный угол Африки, мы пошли близёхонько от её побережья. Скорее всего, по просьбе «зрителей» из ТОВВМУ, коим не безынтересны всевозможные маяки и прочие знаки на побережье «чёрного континента», вплоть до знаков ГАИ Африки. Нам же интересно поглазеть в бинокляр и сфотографировать белокаменный город Касабланка. Прямо скажем - трёхмиллионный мегаполис отменный на первый взгляд издали. На каждом углу мешки цитрусовых. У нас картошки и то меньше. Жаль, но причал здесь нам не уготован, а то поменяли бы. Хотя по слухам

здесь едят батат местного производства. Бывали здесь в войну против фашистов Трумен и Черчилль на конференции по вопросу второго фронта. Но он так и не открылся на севере Франции, как предполагалось. А ещё шахматисты повадились здесь играть, так как в Васюках международный аэропорт забаллотировали.

Начинаем отдаляться от берегов Африки опять к берегам Испании, а вернее, к берегам владений Испании - Канарским островам. Во времена нашего похода русскими на этих островах если пахло, то в мизерных дозах. В нынешнем 21-ом веке нашего брата, а то и сестёр просто прорва. Вся беда, а может и счастье этих островов в их исключительном климате, экзотике и близости от цивилизации. 19 мая прошли между островов, а может и вдали одного из них: Тенерифе и Лас - Пальмас. Поди, их разбери, а спрашивать штурманов, так могут и послать куда...Надоели: где, да что, да покажи. А нам почти без разницы: Канары, да всё тут.

А ещё 19 мая в СССР - День Пионери. Вот только американцы это понимают иначе и в этот день, командующий 6-ым флотом США Уильям Мартин заявил, что «Задачи 6-го флота изменились» А это означало ввод в восточные воды Средиземноморья авианосцев (АУГ) «Америка» и «Саратога» с двадцатью кораблями сопровождения и многотысячным морпехом на борту. На подходе к Гибралтару АУГ «Энтерпрайз».

Израиль укрепил свои суда пушками. Наш эскадренный миноносец (ЭМ) «Настойчивый» вместо Николаева проследовал к месту событий в Средиземном. 22 мая был создан «касус белли»- повод к войне: Насер закрыл Тиранский залив в Красном море. По нашим сведениям, в гущу событий в качестве морпехов туда же отправили курсантов военных училищ. У нас на борту их до 250 человек, да нас более ста - чем не морпехи! А ведь могли и развернуть. Не развернули. Океан покачивал смиренно, летали рыбки, светило южное солнышко. Выдали тропформу. Идиллия...

На кой-то чёрт начали вызывать к майору-особисту. Вызывали почти всех старослужащих. Странно. Но никто не «кололся»: для чего вызывали? Вроде никто ни в Испанию, ни в Африку не сбежал, антисоветчины тоже не слышать. Так зачем?

Глава 6. НАШИ НА ЭКВАТОРЕ

Но вызвали и меня: «Вас особист...В 30-ю каюту!» И сразу как-то не по себе. Ведь тоже по четвёртому году пошёл мой срок службы. Вроде нигде «не пролетал». Может кто «стукнул», что у меня куча фотиков и снимаю без разрешения? Может добровольцем куда? Так тогда чего темнить? Объявили бы давно и сами пришли. Так нет,...Иду, стучусь, приглашает эдак гостеприимно. Знамо дело: опер КГБ, наверное, чаем поить будет, а то и соточку...для разговора. Но, мысля так, я был совершенно далёк от искомого варианта. Капитан 3 ранга, а проще Олег Александрович и вправду мне налил...кофе. Крепкий и вкусный кофе. Любезно предложив чашечку, предложил запросто именовать по имени отчеству, а то и просто Олег, так как был на пять-шесть лет старше.

-Садись, Валерий! Меня зовут...(мягко стеллит!). Ты вроде артист с детства? И при Омском драмтеатре кружковцем был...(К чему клонит? Ну был.) Хочу тебе одну из главных ролей предложить. Не против?

- Оно бы можно, но не до самодеятельности! Вахта, свои дела. Да и ДМБ (демобилизация) скоро, готовиться надо. Вы уж извините. Разрешите идти?!

- Ну брат, не ожидал. Ты чего ерепенишься до времени? Даже кофе не попробовал. Да и роль-то интересная, даже очень. Чего же не спросишь?

- Положим, спросил. Так что будем ставить? «Вишнёвый сад?». Так мы «могем».

- Нетушки, Валера. Мне так кажется, что ты в свите Нептуна на роль Главного сатаны метишь. Как теперь, согласен? Вижу, что слегка обалдел. Но ты, как говорят,

вживайся в образ и поскорее. Вот те текст. Но это для канвы. Импровизация приветствуется. А вот тебе сценарий Праздника Нептуна. По моим подсчётам 27 мая аншлаг. Репетиций, к сожалению не будет. Иначе праздник - не праздник. И никому о нашем разговоре ни гу-гу. Договорились? Связь, вопросы - всё ТОЛЬКО со мной. Знают о затее и получили роли по сценарию в основном курсанты: их проще отвлечь. Ну и немного ваших, корабельных.

Насчёт «гу-гу» Олег переусердствовал. На вертолётке уже шли сварочные работы. И вся команда, а равно наши гости знали, что это - каркас бассейна, где будут крестить всех при переходе экватора. Какие уж тут секреты. У нас между собой особиста звали «молчи-молчи». Работа, мол, такая.

А океан время от времени выказывал своих обитателей. Помимо дельфинов появились не менее резвые касатки. Вид их огромных упругих тел с контрастной белизной как бы шейной части головы на почти чёрном теле очень впечатлял. Они исправно гонялись за летучими рыбами и те в панике даже залетали к нам на палубу. А мы их фотографировали: как в лёт, так и разложив на тряпочке. И сбрасывали в родную стихию. Видели рыбу-парус. Будто пляжный женский туфель на волнах. 24 мая. В океане вообще, а в тропиках тем более, восход и заход солнца - целый набор контрастных картин. Вот только что светили яркие и лупатые звёзды и вдруг... выкатывает солнце. Яркое и огромное. Но закат исключительно замедленный и томный. А потом раз... - и нету солнца. Тут же, словно спохватившись, высыпают звёзды, коих в наших широтах не увидишь. Прежде всего - это Южный Крест. Мне друзья курсанты, а звёзды - их «хлеб», втемяшивали небесную грамоту, чуть ли не еженощно.

Так что по сей день, помню, что навигацких звёзд северного полушария 18 штук, а южного - пять. В нашем ночном небе это Полярная Звезда, Вега, Регул, Альдебаран (легко запоминается) и Андромеда и ещё дюжина, а в южном главенствует Крест, Ригель, Спика... Как здорово

разыскивать их среди других звёзд, стоя на качающейся среди океана палубе ночью!

В Израиле началась мобилизация. Так кто на кого нападает? Евреи на арабов или наоборот? А вообще-то сдаётся, что будут воевать наши с американцами. Опять, что ли? Мало им Вьетнама!

24 мая достигнуто соглашение между США и Англией об открытии Акабского пролива для гражданских судов. Это вглубь Синайского полуострова, к пограничным землям Израиля. Тут и думать нечего: для оказания помощи евреям, коих мы числим агрессорами.

А в довершение Израиль «настучал» атташе США на присутствие ВМС СССР у их берегов. Спасайте, мол! Ну и картинчики! Американцы весь 6-ой флот загнали в Средиземку, по сути, против нас, а они соизволили нюнить. В конце концов, доигрались: арабы с перепугу обстреляли уже американский танкер, да ещё похвастались об этом в своей газете «Аль - Ахрам».

На следующий день, 25-го мая АУГ «Америка» пошёл на соединение с АУГ «Саратога», прихватив своих причиндалов из эсминцев и крейсеров с десантом морпеха. Как видно, для товарищеского матча на бильярде с арабами на их поле. Буквально на следующий после встречи с особистом день я узнаю «страшную тайну»: почти весь курсантский кубрик участвует в празднике Нептуна. Так что все «говорящие» герои действия здесь, у меня под боком. Так что мы всё-таки репетируем, нарушив запрет Олега Александровича. Я же ко всему режиссировал всех: Тритона, Звездочёта, Делопута... Вносим свои импровизации, хохочем.

26 мая из Неаполя на БДК (большой десантный корабль) «Кембрия» и ещё шести судах вышли 3500 морских пехотинцев США.

Жара несусветная! 35-40 градусов в тени. Даже через толстенную спиртовую кожу троптапочек припекает. Палуба раскалена пуще блинной сковороды. Помимо «Орионов» летают альбатросы и фрегаты, но это мирные птицы. Первые, как бы помесь стрижа с сорокой, то есть покрупнее стрижа, а

хвост длинный, как у сороки. Второй же - здоровенный, с крупного гуся, а в размахе крыльев до трёх метров. Живёт постоянно в океане. Гнездится для вывода потомства на берегу. А вот испражняется, зараза эдакая, чуть не по полведра и прямо на палубу! Вот и отскребай потом... Изматеришься напрочь. Был тропический ливень, трое слегли в санчасть с простудой: перепад температур ливня и воздуха - 20-30 (!) градусов.

26 мая. Широта 2 градуса. Завтра будем пересекать экватор. Кое у кого началась тропическая болезнь. Это слабость, шум в ушах и привкус железа во рту, нарывы. Пострадавших больше среди курсантов: они почти круглосуточно на верхней палубе с секстантами и вечными скороговорками «товсь-ноль!».

Разве что завзятые географы знают о существовании республики Кабо-Верде! И не тужтесь понапрасну: такая есть и ютится на островах Зелёного Мыса. Сам не ведал, пока они, эти острова не показались на горизонте. Живут на них мулаты, то есть смесь негров с кем-либо побелее и сами негры, то бишь афро-зеленомысцы. Всего 350 тысяч человек, с детворой и женщинами вперемешку. Говорят сплошь по-португальски и молятся на католический манер «Аве Мария». Есть у них эдакий Президентик, и даже Ассамблея, исключительно народного происхождения. В общем, всё без дураков, как у людей. Была у них даже вооружённая борьба против испанских колонизаторов. Затем нашли консенсус, породнившись с ними и те подобрили. Какао, бананы, рыбный стол, сахарок. Соль тоже своя. Торгуют потихоньку, даже валюту имеют - эскудо (не путать с русским «паскуда» - это другое). Вот вам и «Кабо». Вот если их присоединить к Союзу, то была бы Кабы ССР. Очень даже мило. И базу туда, чтобы «Орионы» морякам и торговцам не мешали.

27 мая 1967 года. Легли в дрейф. То-сё, как обычно, но в дрейфе. Мои штурманята говорят, что легли в него, то есть в дрейф еще ночью. И тут же начали закачивать воду в

брезентовый бассейн с каркасом из труб. Я еще раньше посчитал, что заполненный - он вмещает до 30 тонн воды. Не слабо. Выдержали бы его борта такой напор. Это по 7 тонн на стенку! Но, скорее всего среди офицеров немало тех, кто знаком с сопроматом и эпюрами напряжений. А то спросили бы непременно. Мы-то сопромат уже сдали на гражданке. Сделали приборку, позавтракали, помахали «Ориону»: «накошь!».

И вдруг по ВСЕМ динамикам ГС голос командира перехода: «Внимание всем членам экипажа и курсантов ТОВВМУ им. адмирала Макарова! Корабль остановлен по приказу бога морей Нептуна! На борт прибыл его сын Тритон и требует соблюсти обряд крещения перед пересечением экватора. Всем, свободным от вахты прибыть на вертолётную площадку! Командир перехода капитан 2 ранга Земцов и командир корабля капитан третьего ранга Гришко». Тут же играет горн «Большой сбор».

К этому моменту у заполненного до краёв бассейна (выдержал-таки!) водрузили «царский трон» из алюминиевой тумбы трапа. К трону простиралась ковровая дорожка вплоть до трапа на шкафут. Сам трон убран коврами. А кнехты левого борта приспособили под чистилище. Это укреплённая над ними фанера с кучей пеньковых концов-верёвок распущенных, обильно сдобренных графитом. Лаз аккурат между тумбами кнехта сквозь вервии. Именно здесь будут протаскивать черти грешников перед купелью. Рядом стоял алюминиевый же чан-обрез с исключительно мыльной водой и огромной кистью-полушваброй, привязанной концом к лееру.

И вот все высыпали на вертолётку. Всё-таки некоторая загадочность, которую по большей части удалось соблюсти, придала празднику особый шарм и некую феерию. Прозвучал горн «Захождение». На шкафуте правого борта послышались шумы и отголосок песни «Эй, моряк!», затем дикий хохот и визг наподобие женского. Затем хлопок петарды и громовой голос:

-А ну, помолчите, бесовское племя, Я в гости иду! Дорогу мне, стража моя!

Стук жезла по трапу. Первым взошёл Начальник стражи могучего телосложения, сияя латами и в золочёном шлеме. У пояса приторочен на золотом же ремне с перевязью меч. За ним, в окружении стражи важно шествовал сам Бог морей Нептун. В правой деснице его был увесистый трезубец, коим он и стучал, шагая. Его шелковистые длиннющие локоны явно напоминали расплетённый капроновый трос. Такие же прекрасные «волосы», как видно, тоже из боцманского арсенала имели все, кроме чертей. Сразу за Нептуном шли Тритон с горном и Русалка. Негры с опахалами оведали родственную тройку, как бы предохраняя от лучей тропического солнца. За ними двое дюжих стражников несли 50-ти литровый жбан с «вином» для причастия, от которого пахло компотом из сухофруктов.

Чуть поотстав, плелись звездочёт в колпаке и чёрном шёлковом халате по статусу, с Делопутом в изрядно поношенном восточном же халате с дырами и оба в ширококолёсных очках. Почти под ногами Нептуна шустрил старикашка-писарь со здоровенным блокнотом, явно сшитым из штурманских карт. На ногах Бога морей и свиты была отменная морская обувь-прогары. А Русалке предварительно сбрили вполне приличные усы.

Нептун прошествовал к трону и вальяжно воссел. Негры тут же начали отрабатывать свой хлеб, бодро, почти угрожающе размахивая фанерными опахалами. При этом Нептун делал боксёрские уклонь, избегая услужливого подзатыльника. Нептуном вполне мог оказаться сам особист. Да так оно и было. Федя Колеватов, наш чемпион-гиревик, конечно же, урвал пост начстражи. Его ребята были подстать Черномору - качки-культуристы. Чертей подбирал я сам. По большей части тоже не хилого десятка: самбисты и вольники с боксёрами.

Тритон, раскрашенный в косую полоску прямо по телу и русалка с пышной грудью, вызвавшей бурю эмоций у

команды, встали у подножия трона. Стража бухнула жбан, едва не отдавив Русалке ногу в троптапке. Уже возле неё примостились Звездочёт и Делопут. Писарь взошёл на эшафот. Начался суд.

Нептун: «Здравствуйте, морской народ! Рад вас видеть в море! Я, как царь глубинных вод, окрещу вас вскоре! И скажу без лести я: все вы мне по нраву. А коль грешен кто, то чиню расправу. Всех, кто речь свою смешал с бранными словами, повелю кидать в бассейн, чтобы радовали всех добрыми делами. Кто с зелёным змеем в дружбе, пусть пройдёт чистилище. А душа его всегда станет благ вместилищем! А коль просто разгильдяй, и щетина выросла, то намылим щёки в раз и побреем начисто. Подходи народ и кайсь, лютовать не буду, коль откроешь душу мне, век тех не забуду. Писарь верный, ты сочти грешников на судне, пусть по звёздам и на дне их дела рассудят! Суд начать, но зря не трожь, тех, кто мной крещёны: шелбаков нельзя, и тех, кто уже солёный!

Писарь: Первый плут и сквернослов Митя Абакумин, будь любезен, встань-ка тут!

Звездочёт: Мне звёзды грезят, что нет зла в Митиных поступках! Водолея светит знак: пусть пройдёт чистилище!

Делопут: Митя чуткий человек, даже в самоволке он чинил велосипед юной комсомолке! Я бы, коли Царь велит, дал ему жемчужину.

Нептун: Слуги верные мои, оба были правы. Но традиции блюсти больно мне по нраву! Очистить охальника, крестить в купели и причастить вином морским из жбана с полстакана. Черти, за работу!

Тут же стража хватает Абакумина и подводит к чистилищу. Передают жертву чертям. Те сами вымазаны в саже «как черти», а вервия чистилища в графите. Бедный Абакумин!

Сатана: Здравствуй Митя, мой хороший, ты меня не бойся. Мы лишь чуточку почистим голову и кожу. Будешь помнить нас чертей до скончанья века, и увидят вскоре все в Мите человека!

Пока Главный Сатана говорит речь, Митю елозят туда-сюда через чистилище. А вытащив, поднимают его,

офигенно вымазанного высоко над головами. Зрители надрыдают животы при виде жертвенного Мити. Далее идут нарушители дисциплины среднего и незначительного звена, плюс небритые. Уж над ними издевались всласть. Тем более что особо напрягаться не требовалось: намылили до пояса и бу-бух его в бассейн!

Всем окрещённым Русалка подавала полную кружку «вина» и позволяла себя чмокнуть в щёчку. В итоге, уже к середине процедуры крещения бедная Русалка была вполне похожа на чумазого Сатану. Затем Тритон трубил, и Писарь оглашал очередную жертву. Честно говоря, вымотались мы, черти, кидая публику в бассейн, прямо в доску. И вот..., закончив исключительно лояльное и смешное судилище уже над офицерами, коих было единицы, случилось нечто.

Для начала оговоримся, что практически все офицеры ещё в училищах уже пересекали, а то и не раз экватор. А это соответствовало статусу ШЕЛБАКА, либо вообще СОЛЁНОГО. А по сему повторному крещению не подлежали и даже имели право быть в свите самого Нептуна. Так что все перечисленные в составе нашей свиты именно так и подбирались. Так что никто лучше уважаемого с тех пор Олега Александровича не мог знать подноготную окрещиваемых. Так вот...

Вдруг Нептун привстал и как бы начал искать кого-то в толпе собравшихся.

- А есть ли кто из офицеров, кто мой обряд не принял? Не гоже быть плохим примером и честно выдть на эшафот. Здесь славу флота не унижат, а мой упрёк лишь чести дань. А ты, мой писарь, в книгу глянь! Кого узрел ты в списке кратком, кто ШЕЛБАКОМ ещё не стал?

Но тут поспешно, снимая на ходу пилотку и рубашку, взбежал на дощатый эшафот... наш старпом. Вот это да!

Нептун же, стукнув трезубцем, сказал:

- Хвалю за храбрость, всех достойной! Лишь укрепится твоя честь.

Тебя крестить по нраву чертям, и будь всегда каким ты есть! Мы впопыхах облапали уже не столь чёрными руками

старшего помощника и по всей традиции не просто бросили начальника в купель, а вроде подбросили над бассейном. При этом тапочки офицера полетели в стороны, а сам он полетел вроде как... за борт. А это метров 15 до воды, где акулы не редкость. Все замерли, а старпом почти завис в воздухе. Так казалось от страха, что бедняга того...сыграет к Нептуну-Посейдону в гости. Но к великому всеобщему ликованию крещение закончилось благополучно и новый уже ШЕЛБАК плюхнулся в воду бассейна, где-то в метре от его края. Затем командир корабля в белоснежной форме РАЗ (номер один) представился Нептуну и поднёс ему откупную чарку. Царь выпил коньяк, от которого и пахло коньяком даже на расстоянии, где стояли отошедшие от испуга черти.

-А теперь ты получи от экватора ключи!

С этими словами наш командир расцеловал теперь уже особиста, взяв у него огромный ключ из нержавеющей стали. Он и поныне хранится в одном из музеев ТОФ, как свидетельство ПЕРВОГО пересечения кораблём ЭКВАТОРА. Здесь же висит Грамота, коею были награждены ВСЕ без исключения, пересекшие ЭКВАТОР на плавбазе ПБ-6 (в последствии «Иван Кучеренко»).

*ДИПЛОМ
ИМУЩЕМУ СИЮ БУМАГУ ЕЮ И ВЛАДЕТИ
ДОСТОЙНОМУ СЫНУ ДЕРЖАВЫ СОВЕТСКОЙ, ВОЕННОМУ
МОРЯКУ
ГРАЖДАН ВАЛЕРИЮ АРКАДЬЕВИЧУ*

Я вручаю, сей почётный диплом в знак доброй памяти о встрече со МНОИ на экваторе. В изнуряющую жару, сквозь шторма и туманы доблестный мореход пересёк три океана и двенадцать морей, оставив за кормой более 22 000 миль.

Покинув Чёрное море, он прошёл возле Царства Пингвинов в Антарктике, обогнул Африку и Страну Восходящего Солнца и достиг берегов Камчатки!

Кто бы ты ни был, мужчина, а равно и женщина, окажи почёт покорителю! Он достоин этого!

*К СЕМУ ПОДВОДНЫЙ ЦАРЬ НЕПТУН.
ПЕЧАТЬ
НЕПТУНА*

27 мая 1967 года, ЭКВАТОР

Впереди таковых походов будет немало, как у нынешних членов экипажа, так и у новых команд, сроднившихся с кораблём и морем.

Глава 7. СВЯТАЯ ЕЛЕНА

Вот уж «медвежий угол» нашей планеты. В Антарктиде народонаселения наверняка больше. В расчёте на тысячу квадратных километров. Это при условии, что мы здесь люди временные и учёту не подлежим. Кругом, до горизонта, а, скорее всего и намного дальше – вода. Но при всей своей внешней привлекательности, совершенно не питьевой. Отсюда нетрудно догадаться, что для человека здесь кислотовато: жарыща несусветная и вечно хочется пить. А стоит «освежиться» забортной водой, во время приборки, например, из шланга, как превращаешься в соляной, искрящийся на солнце столб. А кожу сморщивает и щиплет. Хочется тут же пресненькой водичкой сполоснуться. Но тут же ощущаешь, что запасы таковой на планете весьма скудные. Бедный Магеллан, его корабль почти не имел ВОДОИЗМЕЩЕНИЯ в сравнении с нашим, корабельным, конечно. Именно ВОДОИзмещением. Ни единого дымка на горизонте. В принципе, много ли дыма от дизелей? Вроде не очень. Это от котлов дымит. Так что наверняка в этих краях некому воздух портить. И мы наслаждаемся этим, но после захода солнца. И вот оно, устав нагревать океан, но, так и не доведя температуру до точки кипения, начало уползать за горизонт. Багровым цветом, заливая колышущие воды окрест, светило постепенно умиротворялось. Это Бог воды на паритетных началах принял бразды правления у Бога света. У-ух, как будто вздохнул от этой маеты океан, плеснув борт волной. Подул ветерок. Тысячетонное тело корабля избавлялось от двукратной температуры тяжелобольного. А ведь завтра, 1 июня - Новый год! И ни чуть не чудачу: в южном полушарии так и делают. Так даже интересней. Ни тебе ёлки, ни снега, да и Советского шампанского ни капли. «Романтика», да и только! Выведаль

у своих, что поутру увидим остров Святой Елены, последнего пристанища Наполеона.

Сразу уточним, что речь идёт о том самом Наполеоне Первом, решившем проверить твёрдость русского характера. Но вскорости, не без помощи Кутузова, до него дошло: зря он вообще сюда сунулся. А уже после его и во Франции невзлюбили. Так и сгинул не за понюх табаку на некогда безызвестном острове. Но после его смерти в 1821 году, как это бывает обычно - его догнала всемирная слава и там. Вот и пошло с тех пор, что полуторатысячное, почти сплошь английское население стало кормиться славой и пресной водой. Есть там и город, по ихнему - Джеймстаун. А ежели по нашему, так себе, средняя деревушка тропического исполнения. Но уж больно далеко. У нас до Байкала и то ближе, зато водичка не чета святоеленовской.

А вот и остров показался. Высокий, гористый, сплошь в зелени, а на вершине его, видно из рекламных соображений - место захоронения Наполеона. Сиречь - гробница. Возможно и знаменитая треуголка на ней. Возможно, её реставрируют в промежутках веков.

Вот и совсем близко славный остров. Толпимся у бинокюля на ЗКП (запасной мостик), где не так тесно и не попросят к той самой матери. Сюда же притащили фотик «Зенит» с оптической насадкой. Вроде что-то получилось. Но, помяну, кстати, что, побывав Нептуном, наш Олег Александрович подобрел и не пугает нас с фотоаппаратами. И на том спасибо. Благополучно следуем курсом на Кейптаун. Жаль, что всё-таки не к Огненной земле! Но, как говорят, мыс Игольный не чище мыса Горн. Посмотрим...

Идем вдоль берега Анголы. Весь год теплынь, в пределах комнатной температуры. Спать можно на улице, коли, нету муссонных осадков. Но случается, что можно схватить и ОРЗ, а то и вовсе воспаление лёгких: ночами холодает до нуля. А так жить можно, если руки растут, откуда положено. Кроме львов и леопардов остальные животные вполне съедобные: слоны, зебры, антилопы, черепахи. Может со слонами и напряжёнка, а к остальным нужны порох и соль по вкусу. А так, войска, президент и даже португальский язык.

Странно, но уж больно спокойно проходит наш почти круиз. Если бы не «Орионы», так вообще тошно от безлюдия. В то же время только Советский Союз направил в Средиземное море свыше 40 военных кораблей надводных и 16 субмарин. И дошло до того, что встал вопрос о применении «спецоружия» против АУГ, то есть авианосцев и иже с ними. А это не что иное, как ядерная война! Неужто сорвутся? Ведь там уже и места нету, где чемодану упасть: лодки да корабли, как килекпряного посола в банке. И не мудрено, что евреи бомбанули по своим же союзничкам - американцам. В результате на корабле США «Либерти» вынесли вперёд ногами 34 человека.

Приближаемся к ЮАР - самой южной стране Африки... Не очень важные у нас, Советского Союза были в те времена отношения. Но идти «мимо ихнего забора» приходится. Хотя те и расисты, будь они неладны. А получается, что большинство местных подчинены исключительно приезжим бурам, не ужившимся с англосаксами. Каша, одним словом. Потом-то дела поправились и афроафриканцы взяли верх. Но то, что недра тут богатейшие в мире, - никто даже спорить не станет. Бриллиантовая фирма «Де Бирс» именно в здешних местах и жирует. Куда нашей Якутии, хотя могли бы.

Как сладко пахнет береговой дым! Его чувствуют моряки за сотню, если не более миль обострённым обонянием. А вот и горы мыса Доброй Надежды виднеются. Кейптаун, он же Капштадт, что означает «Город на мысу». Город, облюбованный китобоями всех стран, мореходами торговых путей, немало здесь и военных моряков блока НАТО. Так что нам здесь путь «не усыпан розами» и ухо нашему акустику нужно держать остро: не «сидят ли на хвосте» супостаты. Пока бог миловал, а, скорее всего - наши подводники. Есть предположения, что наш корабль передадут «с рук на руки» подлодки Балтфлота нашим, тихоокеанским атомным субмаринам.

И, хотя до родных берегов топать и топать, а только благая весточка о них-сплошной бальзам на израненную событиями душу. Бог не выдаст, чёрт не съест. Вперёд, к Индийскому!

Глава 8. ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ СЧАСТЬЯ

Очень жаль, но корабли, как и люди, имеют свою биографию. Ничуть не потрафлю скептикам, а подтверждаю: есть у них и душа. Ежели кто держит на этот счёт сомнение, могу даже научную базу подвести. Ведь, по сути, сам корпус и все сущее на палубе и внутри судна слиты воедино с тем же биополем команды. То есть с ДУШОЙ экипажа. Как и люди, корабли, отжив свой век, уходят в небытие. А вот душа-то продолжает жить. В другом теле, с другим обликом, с другой судьбой, но с годами она обнажается всей гаммой поведенных как прошлой, так и нынешней жизнью красок событий, помыслов.

Такой корабль был, а, пожалуй, их было десятки, если не сотни, достойные нашей незабываемой памяти. Одним из них стала первая в истории ВМФ плавбаза для АПЛ «Иван Кучеренко». Ему этой осенью минуло 40 лет. Много повидала плавбаза и её десятки раз сменявшаяся команда. Один из эпизодов поведаем вам.

От многих, повидавших мир мореходов, слышал о некоем «Луче счастья» или в обиходе, просто «зелёном луче». Выходило так, что повидавший его хотя бы раз в жизни, обретал счастье. В каком виде, и каким образом, в предании не уточнялось. Счастье и всё тут. И, что немаловажно, счастье полагалось безвозмездно и пожизненно. Так-то. Теперь уже сорок лет минуло тому, как мне лично, как и в равной степени, всем, стоявшим в тот тропический вечер лицом к закату солнца на палубе океанского корабля, высветился этот самый лучик. А корабль, как мы уже осведомлены, именовался «Иван Кучеренко», в честь героя-подводника Великой Отечественной войны, капитана 2 ранга Ивана Кучеренко. Много позже, уже живя в Ульяновске, мне довелось встретиться с одним из членов экипажа «Ивана Грозного» (так про себя

именовали Кучеренко его подчиненные). Это был старшина-комендор Степан Дерябин. Много поведаль ветеран ВОВ о героической кругосветке шести дизельных подлодок «Ленинец» и «Сталинец» суровой зимой 1942 года, шедших, кстати, через Камчатку, Командоры и Панамский канал. Из шести дошли до Мурманска лишь пять лодок...

Вторично «Луч счастья» озарил меня и впервые - лица всех свободных от вахты моряков океанографа «Чумикан». Лично у меня, по сути, большая часть жизни оказалась во власти океана или вблизи его стихий. Может это и есть то самое счастье? А ежели счастье в детях, то тоже всё сходится: их у нас с женой двое - сын и дочка. Жаль лишь, что они по разные стороны Земного шара от нас живут... Зато какое счастье общаться! А сколько друзей приобретено за все годы! Это ли не счастье! Стоит лишь снять трубку телефона или войти в Интернет, и вот они-снова рядом! Но, ближе к теме.

На южной оконечности Африки приютился Мыс Доброй Надежды, но, как ведомо из истории мореплавания его первичное имя было Мыс Бурь. И лишь из суеверного страха перед стихиями мыс переименовали, как бы задабривая морские божества, в Добрую Надежду. Но не помогло. Как видно ещё и потому, что за ним, перед выходом в Индийский океан следовал Мыс Игольный. Последний возымел дурную славу одного из самых неистовых мест на Земном шаре наряду с проливом Дрейка, Бискаем и нашими камчатскими «Сороковыми ревушками». Здесь сталкивались лбами два океана, две ипостаси морских сил, туда же врывались силы властителя воздушной стихии Эола. Именно между мысом Игольный и Мадагаскаром зарождаются коварные «волны-убийцы». Достигая непомерной высоты, они переламывали запросто океанские корабли солидной тоннажности. Этой волной переломило первый в мире супертанкер «Уорлд глории». А «Игольный» стал таковым, ибо имел пакостную манеру ИГЛУ компаса вертеть куда вздумается всем чертям сразу!

Зная все описанные «прелести», команда плавбазы «Иван Кучеренко» крепила всё и вся намертво. Но, как потом вышло на поверку-Индийский океан провёл-таки над кораблём

адский эксперимент на прочность. Отпраздновали мой 23-ий день рождения в одной из многочисленных лабораторий моего радиационного ведомства. Втихаря, конечно. Потом долго стояли под сенью южного неба на юте. Бурун за кормой фосфоресцировал так, будто по корме был виден не водный поток от винта, а выхлоп из сопла космического корабля при запуске. Всполохи, огненные вихри, серебристые струи пересекались, слагались и разлетались одновременно. Купол ночного неба до отказа заполнили мириады звёзд, от огромных и близких до малюсеньких и чуть ли не дымкообразных. Всё это было невообразимо восхитительно, феерия прямо-таки распирала душу, казалось, что эйфории не будет конца. Океан сладостно баюкал нашу плавбазу со всем её десятилетиячным водоизмещением. Иллюзорное ощущение: мы и океан - едины. Но всё, - пора в кубрик.

Поутру, а скорее глубоко за полночь, страшный грохот заставил всех не только проснуться, но и перекреститься: кого мысленно, а кого и по факту верования. Корёжило, дробило, заваливало. И, если кто не мог себе позволить ходить по стенам в обиходе на суше, то в нашем случае ходили по переборкам коридоров вынужденно. А по ходу швыряло вдоль по проходу так, что не то чтобы зацепиться за поручень, а заметить ничего не успеваешь, как лоб втемяшится в пожарную корзину, либо сразу в палубу. Случалось и юморное: при попытке справить нужду на унитазе, матрос вывихнул руку..., промахнувшись мимо спасительной ручки. О выходе на верхнюю палубу и речи не было, но ситуация вынудила: сорвалась шлюп-балка и крушила во вращении над верхней палубой всё, что ни попадя. От окрестных шлюпок только щепки летели. И как остановить эту дубовую, то ли буковую махину центнера на 2-3 весом, вряд ли кто соображал. А волны перекатывались через борт, грозя смыть аварийную партию целиком или по частям. Сотни, тысячи тонн воды били в борта, скулу, в корму вдогонку. Не сговариваясь, разом набросились на балку в момент её остановки у борта. Главное - не дать ей обратный маятниковый ход!

Получилось!!! Принайтывали вначале к лееру, а уж потом к ближайшей тумбе. Спать не довелось практически никому трое суток. Из-за сильнейшей бури шли галсами, почти удваивая путь к Андаманским островам.

Но всё окончилось так внезапно, будто ничего и не было. Как по заказу, в канун третьих суток, утром, все свободные от вахты мертвецки спали, некоторые, даже не сняв спасжилетов. Не до того. Проснулись от просто-таки райской, умиротворяющей тишины. Высыпали на верхнюю палубу и не верили своим глазам: перед нами в мираже морской дымки открывалась сказка! Ничуть не меньше, именно она воспарила какие-то острова чуть ли не в поднебесье! На мини-островках кучерявились пальмы... Островов было великое множество: побольше, средние и совсем мизерные, но все в зарослях пальм и ещё чего-то. Даже после обеда почти никто не спал в «адмиральский час», все высыпали поглазеть на чудеса. Тем временем клочки тверди по мере приближения к ним, приводнялись, превращаясь хотя и в экзотические, но вполне обычные острова.

По небу плыли очень даже райские облачка, удаляясь за горизонт. Вечерело. «Очередной смене приготовиться на вахту!», лишь эта команда по верхней вывела из оцепенения и то, только тех, кого это касалось. Солнце, будто промытое шампунем, уходило на покой в воды Индийского океана. И тут началось! Весь горизонт на западе высветился всеми цветами радуги. Океан вкупе с небесами заиграл буйную феерию красок. Неужто сам Нептун, бог морей, решил одарить нас, российских моряков щедро, по-царски! Вот это по-нашенски и сполна! Ну, спасибо, царь за эдакую невидаль! Красота просто заворожила всех: все тона цветов, их полутона и даже четвертинки вместе и порознь расцветили облака. Синий, лазоревый, пурпурный, голубой, бирюзовый и множество таких, коим и не придумал названия человек, - все разом отобразилось на этой божественной картине заката!

Солнце заканчивало таинство ухода на покой. Вот уже лишь долька его передаёт всем прощальный лучик. Всё замерло над гладью океана. Словно ждали какого-то завер-

шающего аккорда природы. Тем временем сиротливое, чечевицеобразное, чуть ли не микроскопическое светящееся тельце исчезало. Но нет!!! Над океаном, пронзая пространство, наши души, ауру, всю планету без остатка пронесется светоч исключительно божественного цвета и необычайной силы... Он проник к нам через глаза и прямо в сердце! За доли секунды его жизни он преодолел перевоплощение во все цвета радуги. Но почему-то нам запомнился лазурно-зелёным с чуть ли не фиолетовым переливом. Нас оглушило, сразило наповал. И даже когда все померкло и ушло в небытие, все продолжали стоять на палубе и смотреть заворожено вдаль. В эти минуты мы наверняка были мыслями если не дома, то где-то там, далеко, далеко в неведомом.

Вторично «Луч счастья» довелось повидать уже ровно через десять лет. Но совру, если скажу, что всё было аналогично. Такое НИКОГДА одинаковым не может быть. Как огонь, как океан, как люди. Так устроен мир!

Глава 9. ИМ СЕЙЧАС ЗА 60. НО РОВНО СОРОК ЛЕТ НАЗАД. РЕЙД СИНГАПУРА

Шторм в Индийском потрепал корабль немало. Покорёжил корабельные снасти, покрыв солью трубу, поручни трапов и все надстройки. Ко всему унёс в океан уже в виде щепочек две шлюпки. А аварийщиков едва не смыло за борт. Сорвавшуюся балку весом килограммов под двести мотал на шарнире остервеневший океан. Но сама шлюп-балка, крепчайшая махина длиной с десяток метров всё-таки уцелела. Так что выйдя из шторма, наш корабль наверняка казался эдаким белоснежным лайнером, сказочно сверкающим на солнце. Виной тому был всё тот же толстый слой морской соли, осевшей по всем поверхностям в изобилии. Конечно же, в таком «убранстве» представить суперплавбазу командованию ТОФ вряд ли стоило. Тем более, что под солью был не менее «красочный» слой ржавчины.

И, стоило кораблю встать на якорь, как для всех нас был сыгран большой аврал. Но никто даже приблизительно не ведал, да и не мог предполагать, что главные злоключения у

нас еще всё-таки впереди. А ведь дом казался уже таким близким и желанным.

На рейде Сингапура сразу оказались во власти боцмана и старпома. Сразу же, как прозвучала команда: «От мест отойти». Для непосвященных скажем так, что даже с применением самых замысловатых геометрических приемов и формул не счесть площади наружных надстроек нашей ПБ-6, то есть плавбазы, на время похода без наименования на борту. Но старпом в купе с боцманом рассудили проще: «Выдать из шпилевой кладовой «надцать» фляг краски!» И не стали утруждать себя расчётами.

Красили, по-моему все, включая гардемаринов. Их ждали во Владивостоке даже больше, чем нас. Драить от соли и иже с ней ржавчины следовало все надстройки от верха мачты-клотика и до ватерлинии включительно». В одночасье корабль увешали беседками-качелями повсеместно. Нас с Санькой, Валерой и Володей, как и всю химслужбу, угораздило драить борта. Казалось, что красить нам, не перекрасить и за неделю. Но ко всему мы здесь повидали все флаги мира и не по одному разу. Лишь американский корабль не соблюдал морскую этику - отдание чести военному кораблю первым.

Видели чудо судостроения, японский танкер. Его водоизмещение 500 тысяч тонн!!! Команда всего 26 человек. Длина-полкилометра. Говорят, что команда разъезжает по палубе на велосипедах. А для сбережения судна от перелома на высоких волнах оно имеет несколько мидельшпангоутов-шарниров. Так что танкер идёт по волнам, повторяя их изгиб, словно гигантский змей. А уж английских кораблей, лодок и самолётов просто не счесть. Проходят мимо и вроде как «не замечают». Мы-тоже, но культурно.

А уж город рассмотрели разве что не лучше Стамбула. Но куда им по красоте тягаться со вторым Римом, коим был Константинополь - столица Византии!!! Хотя высотные здания-билдинги впечатляют на манер Нью-Йорка. Здесь экзотику представляют люди и природа.

Но что творилось вдоль наших бортов, вряд ли где ещё узрешь. Десятки, а то и с сотню лодок, лодчонок, фелюг, джонок и прочих трудноопознаваемых плавсредств облепи-

ли нас по периметру. Пожалуй, круга в два-три. Знали не без оснований, что «советики» темнокожих не обижают. Тем и пользовались. Хотя замполит, особист и корабельный врач мотались от борта к борту, отгоняя «коробейников». Бестолку. Тем более что и торгашами назвать этих, едва прикрытых тряпьем людишек даже с натяжкой невозможно.

Они всовывали нам в руки сингапурскую экзотику и ничего не просили взамен. Очень радовались нашим металлическим рублям. Но бумажные даже пять рублей с недоумением возвращали:

- «Ноу, ноу!». Загорелые, а может, рожденные чернявыми аборигены наперебой совали и совали нам чёрти какую заморскую снедь. Из всего мы могли опознать разве что бананы да ананасы. Остальному название мог знать сам южный Бог и продавцы. Всю прорву подношений моряки мигом рассовали по кубрикам. Разъяренные врач и замполит, не без оснований боясь инфекций, перерыли кубрики вверх дном. Кроме шелухи от бананов и каких-то листьев в рундуках ничего не сыскали.

- Неужели слопали, архаровцы! - сокрушался врач. Конечно отведали! Не пропадать же добру! А то, что ничего не нашли, так плохо искали. Кто, как не матросы, знают на корабле все потаённые места!

Между тем очистка и покраска шли своим ходом. Океанская зыбь время от времени погружала в свою прохладу сидящих красильщиков. Благодать! Но вдруг у самого носа - форштевня, под якорной цепью кто-то заорал благим матом, а потом и просто матом:

- Змеи-и! Твою в душу мать! Ядовитые, смывайтесь к едрени матери! Но мы, не сразу вняв сути, огляделись. Да, действительно, какие-то твари резвились в перламутре вод. Их хвостатые конечности больше напоминала соцветие «анютины глазки». «Ведь точно ядовитые!!!» - эта мысль лишила нас гравитации, и все будто взлетели вверх на палубу. Будьте уверены: в цирке по смоляным вантам так не лазают. Судя по описанию в логиях, змеи в тропических водах особо ядовиты. А эти, скорее всего-лентохвосты.

Тем не менее, борта за нас красить никто не стал. Вот только знать бы нам, что ждёт нас нечто, схожее с приличным морским сражением. Так что обновление и без того нового судна, есть аналогия приготовлению команды корабля к битве, хотя и со стихией. Именно в таких случаях по традициям русского флота принято одевать все чистое, либо новое. В случае чего переодевать не нужно, а то и некому будет.

«ГЛАЗ БУРЬ» СМОТРИТ В ГЛАЗА

По местам стоять! С якоря сниматься! Корабль к бою, походу приготовить! - прозвучало в динамиках задолго до рассвета и сразу после авральной тревоги. А заодно и «к прохождению узкости». У Сингапура сходятся почти все морские пути мира. Да и баз здесь немеряно. Особенно англичане так и шастают. И попасть в переплёт со столкновением в здешних водах раз плюнуть. «Плевали» едва не трижды. Один американец-сухогруз подрезал курс просто нагло. Какое уж тут приветствие. Да и заждались нас на Родине. Пусть подавится. И остался за кормой Город-Лев (Синга-Пур) со своими высоченными «билдингами» и горластыми таями, да индонезийцами. Суматра чуть виднелась по правому борту, а прямо по курсу открывалось меж островов Южно-Китайское море.

Боже мой! И всего-то три моря осталось пересечь и мы снова в Союзе. Но... А дальше всю картину видим по изрядно истлевшей гидрометеокарте. Широта 11 градусов, долгота - 112. Почти ровнёхонько, на траверзе правого борта пошли Филиппинские острова. Ход узлов 18, так что до пролива Лусон рукой подать. Но на нашей же широте, по другую сторону одноимённого острова Лусон шел с изрядно большей скоростью наш визави - тайфун Билли. И метил он нам наперерез.

С этого момента начались адские состязания: кто-кого. На Востоке Азии принято отдавать дань экзотике на божественно-поэтическом уровне. Положим, ту же кастрюлю могут поименовать «сосуд жизни», а если она ещё и эмалированная, то «объемлющая сиянием». Так вот, сатанинское явле-

ние природы, выходящее на вольную охоту в океан и на его побережье у них мило зовется «большой ветер» (тай-фун).

Каждому новорождённому тайфуну присваивают имя, причем женское. Этим подчеркивается его непредсказуемость и фатальность. «Большой ветер», с коим изначально наш командир хотел мирно разойтись курсами, звался «Билли». ЗАГСом у тайфунов служит метеослужба Японии. А большинство религиозных японцев буддисты, либо синтоисты. У кого-то из них имя «Билли» женского рода. Или мы что-то напутали с переводом. Так или иначе, но скрытнополый «Билли» рвался на интимное свидание с нашим кораблем и его обитателями. То бишь с нами.

Судя по проложенному курсу судна на сохранившейся карте, его направление пытались менять не менее пяти раз. Каждый из вариантов сулил безопасное удаление кораблю от коварства непогоды. Но охота на нас с её стороны упорно продолжалась. «Большой ветер» отслеживал чуть ли не каждый румб направления, прокладываемого неустанно штурманами и командиром. Был вариант вообще снизить ход. Но сатанинский охотник точно (!) копировал телодвижения жертвы.

И тогда кэп (командир корабля) принял окончательное решение: максимальным ходом врезаться в крыло тайфуна против ветра с отклонением «против шерсти». Это означало подставить урагану борт под таким углом, который заставит как бы вышвырнуть теперь уже кандидата в «плавучий гроб» за пределы досягаемости. Дело в том, что, попав в крыло тропического урагана, выйти средней величины посудине из игры уже невозможно. И её неизбежно втянет титанический вихрь в свой всепоглощающий зев - «Глаз бурь». Практически нет свидетелей, в нём побывавших. Хаос гигантских волн ломали и опрокидывали самые современные корабли. Просто невозможно просчитать конструкцию корпуса и ходовые качества судна, способного полностью противостоять коварному властелину тропиков.

Тем временем схватка началась. Шансы выжить у команды были просто ничтожны. Все маневры по избежанию

необузданной стихии сработали до наоборот: плавбаза врезалась в самую гущу ада. И, если в Индийском наши дизеля и скорлупообразный корпус с мидельшпангоутами почти без особого риска выходили чуть ли не победителями, то здесь «торг» в нашу пользу был неуместен. Даже лечь носом- форштевнем против волны не удавалось.

Ураган чуть ли не разворачивал судно вообще бортом к волнам. И нас неумолимо втягивало в «Глаз бурь». Теперь в этом чудовищном состязании на кону стояло более трёхсот жизней экипажа и пассажиров. Состязание клонилось явно не в нашу пользу. Дизеля, мощнейшие машины надрывались в тщетных потугах. Грохотали так, что казалось они вырвутся из корпуса. Вал винта сотрясал в конвульсиях весь остов корабля, когда сам ходовой винт уже рубил воздух.

Судно «ставило на уши», то есть почти вертикально форштевнем вниз, втыкая эдакую махину раз за разом всё глубже. Корабль натужно дрожал, выгребаясь из очередного «пике». Любое из которых вполне могло оказаться последним. Всеми овладел некий ступор-работун. Команда остервенело, стиснув зубы, делала своё дело. Каждый своё, пусть на пределе сил. Хотелось жить. Рёв, грохот стоял невообразимый. Мы понимали друг друга по шевелению губ. Слова разобрать было просто невозможно. Какие уж тут слова, когда всех швыряло по переборкам как мыло в центрифуге, а то и вовсе сбивало с ног. Теперь уже и молиться было глупо.

Но паники не было. Каждый полагал, что сдюжит, выдержали бы стальной корпус корабля и дизель. Но уже просто ад превращался в кромешный. Ни о какой смене вахт и речи не было. Каждому было дело и на пределе сил. Время оборачивалось вечностью, вечность сползала в небытие. Как вдруг... О, боже, что за райский оазис спокойствия разверзся пред нами!!! Солнце, почти безветрие и немое безмолвие. Лишь волны, кои лихорадочно сбрасывал тайфун в свой «Глаз» дыбились до устрашающих высот.

Так вот он какой, «Глаз бурь»! И тут же резанула молнией мысль: «Это конец!». Всё! Здесь все потуги тщетны. Бороть-

ся уже не с чем. Это эшафот. Место для исполнения смертного приговора. Корабль попросту переламывается под собственной тяжестью. Стоит лишь ему попасть меж двух волн - гильотин и в мгновение ока его сложит пополам как промокашку. Никто и понять не успеет свою кончину. Но тело корабля, - его команда ещё полны сил бороться. И лишь мозг, единый мозг - ГКП (Главный командный пост) мог и должен был принять решение, дабы отворотить гибель тела. Так что пройденный катаклизм оказался лишь прелюдией. Главное - не дать сатанинским силам втолкнуть нас, жертву на смертельное ложе. Прочь, назад! Надо срочно уйти из этой мертвецкой обители.

И всё повторилось, но по более жестокому сценарию. Отступить уже было некуда: смерть очень внимательно заглянула нам в глаза. Больше шансов остаться на плаву не усматривалось. А когда всё же удалось вырваться из объятий «Большого ветра» в ревущее, но уже просто штормовое море, то чувства попросту взорвали нас изнутри. Плясали, очумело орали, хохотали и плакали от радости! Живы! Мы - живы! И, как бы спохватившись, от ГКП последовала вроде бы нелепая команда: «Вахте заступить по походному...». Хотя всем стало яснее ясного: можно поспать. Кроме вахты, конечно.

«А ПО МОРДАСАМ?»

А с рассветом сызнава сигнальщики гладили горизонт биноклями: нет ли где перископов. На самолеты особого внимания не уделяли. Их просто стало так много и разных, что иногда рябило в глазах. Тут были и «Фантомы», и «Б-52» и те же «Орионы». Немало крутилось вертолётов «Апачи». И вся эта нечисть несла смерть на землю Вьетнама.

Советская плавбаза особо не прельщала обезумевших от дармовой крови стервятников. Но тем временем курс корабля лёг в непосредственной близости от Тайваня. А это была одна из вотчин американцев. Насколько и кто действовал противоправно, судить не нам, но на Тайване учредили территориальные воды вокруг острова миль на двести, а то и больше.

Общепринятые мировые нормы ограничивались максимум 12-ю милями, то есть около 20 километров. Конечно же, наши штурмана придерживались именно этих норм. Но всполошилась американская авиация, начав интенсивный облёт корабля. 5-7 раз самолеты пересекали наш курс, но делали залёты поперёк корабля. Конечно же, боевая тревога была сыграна сразу же после появления «целей» на экранах умницы «Барса». А его полутораметровая голова отслеживала любое передвижение самолетов. Вся боевая часть два, а по-старинке комендоры-артиллеристы, были готовы дать отпор всеми четырьмя сдвоенными пушками. Но это в случае боевого залёта на бомбометание, то есть вдоль курса по ходу и над кораблём.

Вскоре, видя наше «непонимание» требования покинуть «территориальные воды Тайваня», очередной «Орион» ринулся чуть ли не в лоб ГКП. Долей секунды позже пилот пожалел о содеянном. Две пушки дали залп - «вилку» трассирующими снарядами. Они преднамеренно пролетели у переднего фонаря самолета и за его фюзеляжем, едва не чиркнув корпус самолёта. Ну, никак не ожидал американец такой резкости от «раша». И тут же закувыркался в неких кульбитах: а ну, как следующий снаряд, да в него! Далее в «территориальных водах Тайваня» ПБ-3 никто не беспокоил. А корабли с американской символикой держались предусмотрительно поодаль: все чаще среди волн усматривались блики от перископов. Конечно же, наши! Между американскими кораблями довольно резво нарезали волны советские крейсера СКР и эсминцы.

А МЫ «ПРИВЫКШИЕ»

Немного поздновато, но всё равно приятно: встретили, поддержали. Хотя позже узнали, что субмарины всё-таки нас оберегали на протяжении всех наших перипетий. О тайфуне уже старались не вспоминать. Ещё бы! Всё, теперь уже точно всё позади. Прошли Корейский пролив и остров Цусима, вечный памятник героям-морякам России. По этому случаю

торжественно построились на вертолётной палубе по форме 2: белые голландки и черные флотские брюки. Ленты бескозырок трепал уже ветер Японского моря. Прошли и отсалютовали нашему форпосту в Японском море - острову Улындо и его личному составу. У них служба тоже не сахар.

Особым тщеславием не наделены, но было обидно, что кроме оркестра на береговой стенке, да дежурных адмиралов со свитой, нас ничем не выделили. Хотя дали по листочку в ладонь величиной с благодарностью. Даже увольнения не предусматривались. Хотя прошедшие этим же нелёгким путём экипажи награждали как героев. И угощали неплохо, как и подобает. Впрочем, дважды обогнули Японию. Это чтобы курсанты получше запомнили створы берегов и маяки соседа. А японцы, как истинные «гостеприимцы» гадили экипажу при просмотре по вечерам фильмов на верхней палубе. Их хулиганствующий вертолет зависал над нами и светил прожектором на экран. На него даже плевать не хотелось: «моська», только японская. Прошли Курилы с вулканами, опознав стародавнего знакомца вулкан - «Тятя». А там и свои «сахарные» конусы вулканов Горелый, Авача, Корякский, Вилючинский. Их более сотни по Камчатке, и почти все не дремлют. В базе, даже в родной базе, команду вообще не встречали, а не то чтобы с какой-либо помпой. Эка невидаль, кругосветка! Не вспомнили о нас и потом. А ныне и память-то поотшибало. Хотя и юбилей. Принято считать, что великое видится лучше издали. Может быть. Это как на студенческой сессии: сдал и забудь. А коли занеможет, вспомнишь. Мы же в своей жизни сдавали своеобразные экзамены и не раз. Хотя тот, филиппинский экзамен в «глазе бурь», всё-таки был САМЫМ главным: на право жить!!!

Глава 10. ЗАВЕСТИ ШВАРТОВЫЙ

Даже пройдя Три Брата в устье бухты Авача мы не почувствовали облегчения и защиты от ненастья. Громадину корабля размотало в Тихом так, что не остановить и за сутки. Сбавили ход. Шкафутковые в полном составе и спасжилетах

добросовестно мёрзли на ледящем осеннем ветру. Но это был НАШ ветер родной Авачи. Бросим «яшку», то есть якорь, отогреемся в кубрике, а потом и на камбузе чаем.

Прошли боновое заграждение, открылся Приморский и вулкан Вилючинский. Обогнули полуостров Крашенинникова и вошли в свою, одноимённую бухту. Встали на рейде. Всё!!! Закончена кругосветка, получайте, братцы, новый корабль! Но «братцы» к нам не спешили. Как видно не к спеху. И жареным поросёнком не пахнет, хотя мы вряд ли стали отказываться. И в мыслях не держали. А ветер безумствовал, будто сожалея о слишком «мягком» приёме, ставших для него чужаками, мореходов с жарких югов. А вон и рабочий катер лихо прыгает по штормовым волнам.

И чего не сидится у пирса в эдакую непогодину. Даже в бухте кораблю нашего десяти тысячного водоизмещения весьма неуютно. И вдруг слышим: «Шкафутовым на катер! Принять кормовой трос!». От-те раз! Это же нам с Федей прыгать на бочку, как в Севастополе. Но там- то тепло и в бухте Северной севером не пахнет. А тут...

Катер исчез в волнах и вынырнул уже с подветренной стороны плавбазы, чтобы забрать рискованных ребят со штормтрапа. Слегка разбив колени и носы о борт, десантируемся в катер. «До свадьбы заживёт!» - подбадривал начхим старлей Шпак. «Цыплят по осени считают!», - подумалось мне: сейчас предстоит ещё прыгать на бочку. А это громадина с кольцом для швартового троса и на мёртвом якорю. Болтается как овечий хвост, временами скрываясь под водой. А вода об это время в бухте градусов на десять, если не холоднее. На нас роба и шинель, да упомянутый жилет. Надо бы поддуть.

- Федя, поддуй жилет, да заткни писуны! Прыгаем! Я первый! Улучив момент, когда катер подбросило на вираже вверх, я метнулся на макушку бочки. Успел схватиться за кольцо, но тут же проехался рёбрами по закраине цилиндра. «Не порвать бы жилет, а то утопят как щенка!».

На следующем развороте, лишь чуть-чуть бочка обнаружилась, прыгнул и Федя. Ему «повезло» меньше: его могучая фигура мелькнула между волн и мимо цели. Держась за

закраину окоченевшими пальцами, успел схватить бедолагу за ворот шинели. Нас тут же накрыло волной. В голове мелькнуло: «Не смыло бы!». Я знал, что мой напарник и в учебном бассейне не ахти какой пловец, а тут... Шинель стала дубовой, а жилет только мешал. Но нам надо было ещё принять стальной трос швартова.

- Федя, родной, держись за кольцо, я буду ловить выброску!, - старался я как мог переорать вой ветра. Катер с трудом таскал трос с привязанной к нему выброской. Наконец удалось поймать выброску, которая со свистом чуть не вцепилась мне в лоб. «Меткачи, мать вашу!», но руки уже непроизвольно вытягивали выброску, а с ней и трос. А это уже федина вахта. Нашего корабельного здоровяка.

Теперь тянем вдвоём трос из-под воды: так легче. От напряжения холода не чувствуем.

- Федя, давай на рывке! Я серьгу держу! - здесь бочку швырнуло вверх и мы распластались на днище. Но трос и серьгу удержали. В провале волн, почти под ледяной водой, по сути наугад, удалось завести серьгу и вставить в неё палец на стальном тросике- страховке. ВСЁ!!!

Осталась самая малость: снять нас с пляшущего гигантского поплавок. А на корабле уже начали выбирать трос на шпиль... «Да вы что, охренели там! Ведь трос бочки стал выравниваться с корабельным!», а мы с Федей начали погружаться даже без надежды хлебнуть воздуха. Теперь спасение лишь одно: отплыть подальше от бочки, иначе катеру к нам не подойти. Теперь уже подводный, железный поплавок мог запросто потопить катер.

Захлёбывающего и посиневшего Федю еле удалось отцепить от серьги, разжав его пальцы. Теперь мы оба бревёшками еле различались между волн. Но отпорниками нас выловили и затащили на борт вначале катера. А уже на спасениях почти бесчувственных и окоченевших, выволокли на палубу корабля. «Ошвартовали-таки, шельмецы! Давайте-ка их в санчасть! Док, растереть и для сугреву дай!» - последнее, что удалось разобрать из слов старпома в общем гвалте.

Док (доктор) всё выполнил как надо. Сухие и сомлевшие от влитого спирта мы с Фёдором восседали на кроватях корабельного лазарета. Фельдшер Коля наливал нам духмяный чай с коньяком из командирского термоса. Чем не рай! Но жаренный поросёнок не помешал бы. Не только нам, конечно.